

Дарья Донцова

Фигура легкого эпатажа

**Я готовлю
вам подарки!**

Дорогие мои, любимые!
Теперь в каждой моей новинке
в твердом переплете – купон
на подарок! Самые активные
читатели ждут семейный
отдых в солнечном Египте!

**Ваша
Дарья Донцова**

Счастливые вести Анастас
Евлампия Романова

Дарья Донцова
Фигура легкого эпатажа
Серия «Евлампия Романова.
Следствие ведет дилетант», книга 19

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159317
Фигура легкого эпатажа: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-17333-1

Аннотация

Хочешь сделать как лучше, а получается... Ужасная история! Я, частный детектив Евлампия Романова, согласилась помочь клиентке сыграть роль племянницы профессора Антонова и вляпалась в кошмарную ситуацию. Меня обвинили в убийстве! Дамочка-заказчица, конечно, хитра, однако и Лампа не лыком шита. Я и бесплатно выясню, откуда в этом деле ноги растут... Но тут, совершенно некстати, в моем доме вырубилась все приборы! Теперь ни еду приготовить нельзя, ни телевизор посмотреть, ни чай вскипятить... Но в этом тоже, оказывается, виновата я. Теперь нужно сделать все возможное и невозможное, чтобы заслужить прощение разгневанных членов семьи...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	47
Глава 5	61
Глава 6	75
Глава 7	94
Глава 8	107
Глава 9	120
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Дарья Донцова

Фигура легкого эпатажа

Глава 1

Если вы хотите узнать, какое кресло в доме самое удобное, внимательно посмотрите на своего пса – он лег подремать именно в нем. А еще я подозреваю, что неизвестная личность, некогда воскликнувшая: «Не будите спящую собаку!», на самом деле никогда не проводила ночь около безмятежно сопящего мопса или пуделя, потому что тогда бы автор крылатой фразы произнес в негодовании совсем иные слова, а именно:

– Немедленно выкиньте из моей постели это существо! Ни повернуться, ни пошевелиться, ни вытянуть ноги!

Вот ведь загадка: почему даже крохотный йоркширтерьер, отбив в страну собачьего Морфея, превращается в бетонную плиту? Столкнуть животное практически невозможно! Все, кто спит вместе со своими питомцами, сейчас меня поймут. Кстати, уж простите, если ненароком раскрываю чужие тайны, но большинство хозяев действительно делят постель со своим псом. Потому что подавляющее число четвероногих, невзирая на слабое возмущение хозяев, упорно укладываются отдыхать именно на их кровати. Не верьте людям, кото-

рые сурово говорят: «Моя чихуахуа четко знает свое место, она проводит ночь на коврике у двери».

Ой, неправда! Наверняка эта самая «чхуня» мирно дремлет в двухспальной постельке, закутавшись в пуховое одеяло, или, окончательно обнаглев, устраивается на подушке «грозного» хозяина. Просто некоторые люди отчего-то стесняются признаться, что в их доме собака или кошка – главное существо. И уж совсем неумоготу отдельным личностям сказать: хозяином в квартире является попугай или – вот ужасно! – хомяк.

Но я лишена комплексов, поэтому честно сообщаю: вынуждена делить ложе со стадом мопсов – Муля, Феня, Капа и Ада вольготно раскидываются на кровати, заставляя меня, несчастную, принимать самые невероятные позы. Один раз Кирюшка показал мне сделанный им ночью снимок и хихикнул:

– А прикольно, Лампа, да? Может, в газету «Смеемся все» послать? Там такое любят печатать.

Сегодня, ровно в семь, услышав нудный звук будильника, я попыталась сразу сесть и откинуть одеяло. Куда там! Пуховая перинка оказалась придавлена Капой и Феней, а Муля с Адой, нагло спящие на моем животе, лишили меня возможности совершать даже самые элементарные движения. Я, поняв, что скинуть две более чем десятикилограммовые тушки не удастся, решила попросту выползти из-под мопсих, чем

вызвала бурю негодования со стороны последних. Муля подняла круглую голову и сердито сказала:

– Гав!!!

Ада лишь укоризненно вздохнула, но с такой миной, что я невесть почему принялась оправдываться:

– Девочки, мне на работу...

– Гав, – раздраженно отозвалась Мульяна.

– Уффф, – вырвалось из Ады.

Феня и Капа, не открывая глаз, издали протяжный стон:

– О-о-о...

Рамик и Рейчел, кемарившие на ковре, в центре комнаты, никак не отреагировали на бубнеж мопсик. Только не следует думать, что двортерьер и стаффордшириха – это милые, интеллигентные собачки, понимающие, что их хозяйке, госпоже Евлампии Романовой, для нормального функционирования днем необходимо хорошо выспаться ночью. Просто Рамик и Рейчел не умещаются в кровати, а укладываются они в моей спальне на ночь лишь по одной причине: здесь имеется мягкий палас, остальные члены нашей семьи предпочитают голый паркет. Так что двортерьер и стаффиха на самом деле пылают горячими чувствами не к Лампе, а к куску полового покрытия из натуральных, чистошерстяных ниток.

– Хватит злиться! – зевнула я. – Увы, должна отправляться на службу. Да, да, в воскресенье, в январе, когда за окном темень, снег, пурга, метель, наводнение и затмение. – Я пре-

кратила перечисление природных бедствий, сообразив, что с наводнением и затмением я, пожалуй, переборщила, однако для того, чтобы ощутить себя совершенно несчастной, мне хватает снегопада и отсутствия солнца. – В общем, подъем, девушки!

Пытаясь взбодриться, я поползла в ванную. Отчего мне следует топтать в офис, когда все нормальные люди отдыхают от трудов праведных? Ну, тут уж надо сказать «спасибо» Вошке Костину – именно он пристроил подругу сотрудником в частное детективное агентство, которым руководит его давний знакомый Юрий Лисица. Правда, сначала я впала от этого в неопикуемый восторг. Мне почудилось, что сбылась моя основная мечта – наконец-то я стала настоящим сыщиком и сумею заниматься тем делом, для которого рождена на свет.

В ночь перед первым выходом на работу я не спала, воображение рисовало огромное здание, напичканное лабораториями, и множество сотрудников, снующих по этажам. Не скрою, одновременно с радостью испытывала и страх. Придется ведь строить отношения с незнакомыми людьми, и еще не факт, что я придуся ко двору. Очень хорошо помню, какая грызня шла в симфоническом оркестре, где я, абсолютно никому не мешая, нащипывала в тоске свою арфу. Казалось бы, музыканты – талантливые люди сплошь с консерваторским образованием – просто обязаны быть интеллигентными. Ан нет! Такого мата, как за кулисами, я более нигде не слышала. А уж какие среди оркестрантов ходили сплетни, сколь-

ко желчи выливали коллеги при виде новой шубки одной из скрипачек, что за предположения высказывали «симфонические» дамы на предмет того, каким местом девица заработала себе на незатейливую нутрию! Когда-нибудь я наберусь смелости и расскажу вам о драматических событиях, предшествовавших поездкам на гастроли во Францию или Англию. Да что там капиталистические страны! Отправка в за-трапезную Болгарию, которую все давно считали шестнадцатой республикой СССР, вызывала бурю эмоций в нашем коллективе. Поэтому я, наученная горьким опытом, мечтая о работе сыщика, паниковала при мысли о неизбежности встречи с новыми коллегами. По идее, они должны были сразу меня невзлюбить, потому что на последний мой день рождения Сережка и Юлечка подарили мне симпатичную шубку, а Катя и Вовка преподнесли царский подарок: абсолютно новую машину – крохотную, юркую малолитражку, которую я полюбила с первого взгляда за пучеглазость и нежно-зеленый цвет кузова.

Представьте теперь мое удивление, когда, явившись на службу, я увидела: шикарного здания у агентства нет, а есть только крохотная комнатка в многоэтажном строении, которую Лисица снимает за очень небольшие деньги. Обнаружилось, что и к коллегам по работе ключи подбирать не надо, потому что я у Юрки являюсь единственной сотрудницей. Через два дня до меня дошла еще одна истина: мой начальник – неисправимый бабник. Вернее, не так – Юрасик пер-

манентно находится в стадии подготовки к свадьбе и даже относит с невестой заявление в ЗАГС, но потом влюбляется в другую девушку. Впрочем, о личностных особенностях Юрика я уже рассказывала¹.

Вот так мы теперь и работаем: я просиживаю дни напролет в конторе, ожидая заказчиков, а Юрасик пытается создать семью. Сначала было уныло, но потом мне удалось ловко распутать несколько детективных узлов, и сейчас положение изменилось. У нас даже иногда появляется пара клиентов сразу, и тогда Юрику приходится-таки, наступив на горло собственной песне, впрягаться в лямку, потому что я при всем желании не способна раздвоиться.

Один из положительных моментов в моей новой работе – я получила удостоверение. Шикарное, с гербом! Очень помогает в сыщицкой деятельности. Пару дней назад, правда, я потеряла «ксиву» и очень расстроилась. Но вскоре нашла свои «корочки». И не где-нибудь, а у себя же в сумке, в кармашке, застегнутом на «молнию».

Сейчас мой начальник улетел с очередной кандидаткой на звание «мадам Лисица» в Эмираты, греет косточки на теплом песке. Мне он тоже предложил отдохнуть, но у меня есть мечта: очень хочу перебраться жить за город. Нашей большой семье и стае собак не помешает свежий воздух. А для осуществления мечты нужны деньги, и чем их больше, тем

¹ Подробнее об этом читайте в книге Дарьи Донцовой «Безумная кепка Мономаха», издательство «Эксмо».

лучше будет коттедж и просторнее участок.

Вот по какой причине я сейчас, проклиная гололед и снег, порую в контору. В девять утра должна прийти выгодная заказчица. Вчера, уточняя время встречи, девушка нервно воскликнула:

– Заплачу вам любую сумму! Главное, помогите!

С тех пор как я стала работать у Юрасика, наш офис преобразился. Мне пришло в голову, что поговорка «По одежке встречают...» и так далее относится и к служебным помещениям. Поэтому я купила недорогие книжные стеллажи и набила их томами «Судебная медицина», «Криминалистика», «Пистолеты мира» и прочей специальной литературой. И еще: теперь у нас офис делится на зоны – в правом углу находятся два кресла, торшер и маленький столик, а в левом стоит письменный стол с компьютером и два стула. Я, честно говоря, весьма неумелый пользователь, но системный блок и монитор внушают посетителям почтение. На столешнице разложены всякие бумаги и стоят четыре телефонных аппарата. Три из них – чистая бутафория, но обилие офисной техники прибавляет фирме солидности. Кроме того, я договорилась с соседками, продавщицами из секс-шопа, находящегося рядом с нашей конторой, и если требуется произвести на потенциального клиента сногшибательное впечатление, беру трубку, набираю их номер и нежно говорю:

– Леночка, подайте кофе.

Спустя пять минут появляется какая-нибудь из продавщиц и начинает изображать из себя мою секретаршу. Естественно, чай, кофе, печенье и конфеты я покупаю сама, а с девчонками из секс-шопа у нас договор о бартере. Скажем, если они вознамерились продать нечто дорогое, а покупатель колеблется, меня незаметно зовут в лавку, и я начинаю изображать либо девицу, страшно довольную приобретенным в этом магазинчике эротическим бельем, либо тетку, которая теперь носит на руках мужа за найденный им здесь некий прибамбас для интимных утех. В общем, все довольны – и я, и продавщицы. Взаимовыручка – великая вещь!

Войдя сегодня в свой офис, я повесила куртку в шкаф и тут же услышала звонок телефона. Не мобильного, а единственного действующего из четырех аппаратов, стоящих на письменном столе. Поднесла трубку к уху и услышала:

– Алло, это Лаура. Я договаривалась сегодня о встрече с вами...

Меня охватило горькое разочарование. Ну вот! Встала ни свет ни заря, приперлась на работу, несмотря на гололед, а клиентка сейчас сообщит: «Извините, свидание откладывается».

Впрочем, эта Лаура еще воспитанный человек, нашла время, чтобы предупредить детектива об отмене встречи. А то ведь встречались на моем сыщицком пути иные личности, которые просто не являлись к назначенному часу. Вот так придешь в контору, сидишь, ждешь клиента, а потом пони-

маешь, что он не придет, и становится очень неприятно. Ну неужели трудно было человеку позвонить и сказать: «Простите, планы изменились»?

Но следующие слова Лауры подняли мне настроение.

– Опоздаю примерно на час, – виноватым голосом продолжила она. – Право, мне неловко, я всегда пунктуальна, но сегодня случился форс-мажор – колесо проколола. Вас не затруднит подождать? Очень прошу, не уходите.

– Не волнуйтесь, – скрывая радость, ответила я, – никогда не назначаю встречу двум клиентам встык. Спокойно ставьте запаску, посижу, приведу в порядок бумаги. Давно намеревалась это сделать, только времени не имелось.

– Очень мило с вашей стороны! – воскликнула Лаура. – Надеюсь, мастер вот-вот прибудет!

Я повесила трубку, зевнула, а потом пошла в секс-шоп. Никаких бумаг, требующих систематизации, у меня, конечно, нет. И других заказчиков, кроме Лауры, тоже. Но служба в агентстве научила нескольким простым вещам, примитивным уловкам. Одна из них состоит в том, чтобы дать понять потенциальному клиенту: у сотрудников конторы работы непростор, масса людей просто мечтает воспользоваться их услугами.

Услышав мои шаги, сидевшая за прилавком Рита отложила книгу и удивленно воскликнула:

– Чего пришла? Мы тебя не звали.

– Очень мило... – улыбнулась я. – Ладно, ухажу. Вообще-то надеялась, что ты меня чайком угостишь, замерзла до дрожи...

– Ой, прости! – вскочила Рита. – Я имела в виду, что у меня клиентов нет и ты в качестве рекламы не нужна! Наш хозяин идиот! За каким чертом я тут торчу? Ну кому могут понадобиться утром в воскресенье секс-игрушки... Тебе с лимоном?

– Ага, – кивнула я. – А конфетки нет? Сладкого хочется.

– Это от недосыпа, – вздохнула Рита, – меня саму всегда по утрам ломает. Эх, выйти бы замуж за олигарха, уж я бы знала, чем заняться! Спала б целый день! А то ведь с четырнадцати лет пашу...

Продолжая тарыхтеть, Рита вытащила из шкафчика две кружки, пакетики с чаем, банку, набитую рафинадом, разлила по чашкам кипяток и вдруг хихикнула:

– Слышь, Лампа, а тебе трусики не нужны? Вчера вечером привезли – красные, кружевные. Во, гляди!

Я уставилась на небольшую тряпочку, которую Рита вытащила из упаковки, и пожала плечами:

– Нет, спасибо, такие не ношу.

– Ты их пощупай, – предложила продавщица.

Мои пальцы помяли кусочек материи с завязочками.

– Странные какие, – удивилась я, – вроде резиновые.

– Это съедобные стринги, – весело объяснила Рита, – с клубничным вкусом.

– Не поняла...

Рита закатила глаза.

– Лампа, ты темень! Надеваешь трусики и устраиваешь кавалеру стриптиз, а потом белье съесть можно. Приколно? Думаю, такой прибабас на ура пойдет.

Я закашлялась.

– Ну... да... может, и так...

– Хочешь, подарю упаковку?

– Нет, нет, спасибо, – быстро ответила я, потом не удержалась и спросила: – А что, вкусно? Из чего они?

Рита пожала плечами:

– Хрен их знает. Думаю, мармелад жевательный. Его очень тонко раскатали, а потом сшили.

– Так растает ведь на теле! Как-никак тридцать шесть и шесть.

– Но их же не носят постоянно, всего на пару минут надевают.

– Зачем? – удивленно спросила я.

Рита заморгала:

– Боюсь, тебе не понять.

Я развела руками:

– Отстала от прогресса.

– Слушай, а давай попробуем стринги, – оживилась Рита, – вместо конфетки к чаю?

– Не хочу.

– Ну, плиз!

– Ешь сама.

– Да ты чего? Сейчас нарежу на кусочки, и будут у нас мармеладки. Они ж новые, прямо из коробочки.

– Спасибо, что не предложила откусать уже ношенное бельишко, – отбивалась я.

– Совсем ты старая стала, – вздохнула Рита.

– Кто? – возмутилась я.

– Ты!

– Я?

– Ясное дело, ты! – распахнула огромные темно-карие глаза Рита. – Мне вот все любопытно, охота новое узнать. А ты стухла, в старушку превратилась. Трухлявым перечницам новшества по фигу, сидят у телика в войлочных тапках и дудят: «В наше время разврата не было, мы работали на благо государства...» Интересно знать, своих детей они тоже на службе сделали, в обеденный перерыв? Или все же отрывались от трудовых обязанностей? Вот моя мать все уши нам с сетрой прожужжала: «Девочки, учитесь, не думайте о кавалерах, получите сначала диплом, я в ваши годы...» Ду-дуду, зу-зу-зу... Прямо смешно! В особенности если вспомнить, что меня она, не думая ни о чем, кроме уроков, родила в шестнадцать лет!

– Это кто тухлая старушка, трухлявая перечница? – разозлилась я.

– Ты.

– Я?

– Ты, ты! Молодой все интересно. Ну, например, какие они, эти стринги, на вкус.

– Режь трусы! – приказала я. – Сейчас увидишь, что не имею никакого отношения к бабушкам.

Рита попыталась расчленить бельишко, но потерпела неудачу.

– Так кусай, – велела она.

– А ты не будешь?

– После тебя, – кивнула Рита.

Я попробовала отгрызть кусок стрингов и тоже потерпела неудачу. Материал оказался упругий и совершенно не «кусабельный».

– Запихивай в рот целиком, – приказала Рита.

Невесть по какой причине я послушалась и в ту же секунду подумала: «Так ведь и подавиться легко...» Но трусики неожиданно быстро начали таять во рту и спустя мгновение растворились без следа.

– Ну как, – с любопытством поинтересовалась Рита, – классно?

– На жвачку похоже.

– Значит, не особо?

– Ничего суперудивительного, – констатировала я, – сто раз подобное ела, леденцы, бабл-гам, мармелад...

– За что только деньги дерут! – возмутилась Рита.

– За прикол, – улыбнулась я... и вдруг начала кашлять.

– Чайку хлебни, – заботливо предложила Ритуля, – у меня

после сладкого тоже всегда в горле першит.

Я схватила кружку и попыталась справиться с приступом.

– Давай-ка я форточку открою, – предложила Рита, – а то ты вся красная-красная, в пятнах...

– Да? – еле-еле выдавила из себя я.

Рита вытащила из сумки пудреницу и сунула мне под нос:

– Вот, посмотри.

Я глянула в круглое зеркальце и просипела:

– Это аллергия! Ритуська, беги скорей к нам в офис, вытащи из моей сумки таблетки – такая голубенькая коробочка. Принеси их сюда.

– Лечу! – взвизгнула продавщица. – Ой, Лампа, какая ты жуткая! Если сейчас покупатель зайдет, живо убегай, не пугай народ.

Глава 2

Через пятнадцать минут я вновь обрела способность говорить, правда, лишь хриплым басом. Кашель прошел, зато лицо и руки выглядели просто отвратительно – кожа покрылась ярко-красными пятнами. Хорошо хоть отметины не чесались...

– И что теперь делать? – в полном отчаянии воскликнула я.

– Скоро пройдет, – легкомысленно отмахнулась Рита.

– Тебе легко говорить, а ко мне минут через тридцать клиентка явится, – вздохнула я.

– Ерунда.

– Ты бы захотела иметь дело с детективом, похожим на больного чесоткой?

– Нет, – мигом ответила Рита, потом, спохватившись, добавила: – Объясни ей нормально, мол, у тебя аллергия. Кстати, на что?

– На трусы твои идиотские! Небось в них одни химикаты.

– Ой, что ты! – залезбила Ритуля. – Совершенно невозможно! Вот, глянь, на коробочке есть: «Не-аллергенно».

– Ты веришь всем надписям на упаковках и заборах? – стала сердиться я. – Лучше думай, как выйти из положения!

– Вау! – подпрыгнула Рита. – Знаю. Сиди тихо!

С быстротой молнии девушка шмыгнула под прилавок,

потом вытащила флакончик и радостно сообщила:

– Сейчас все о`кей будет.

– Это что? – с подозрением поинтересовалась я.

– Тональный крем, – охотно пояснила Ритуля, – цвет «спелый абрикос». Да не дергайся, хуже не будет. Мажем?

– Давай, – тоскливо согласилась я.

– Станешь просто красоткой, – пообещала Рита. – Так, так... сюда побольше, теперь на лоб... Ну? Как?

Я снова уставилась в зеркало. В принципе, неплохо. Правда, слишком темный для моей кожи тон превратил меня в смуглянку, зато абсолютно скрыл все ярко-красные пятна. Одна беда – на фоне «цыганского» лица волосы блондинки, да еще коротко стриженные, смотрелись крайне нелепо, я походила на раскрашенную куклу.

– Наверное, лучше мне не встречаться с заказчицей, – в отчаянии вырвалось у меня. – Сейчас эта Лаура приедет, а ты выйди к ней и скажи: «Простите, пожалуйста, госпожа Романова срочно уехала по неотложному делу».

– Прекрати! – топнула Ритуля. – Отчаиваться еще рано. Айн момент!

Радостно улыбаясь, Рита повернулась к витрине, где были выставлены парики, вынула один, блестяще-черный, и сказала:

– Только не смотри в зеркало, пока не разрешу, дуракам полработы не показывают.

Я закрыла глаза. А что мне еще оставалось делать? В кон-

це концов, Ритка права, хуже уже вряд ли станет.

– Готово! – возвестила девушка. – Ну приколы! А что, тебе идет...

С некоторым страхом я разомкнула веки и увидела перед собой незнакомую брюнетку. Хотела машинально сказать «здравствуйте», но тут же сообразила, что смотрюсь в большое зеркало, которое продавщица поставила на прилавок.

– Ой! – вырвалось из груди.

– Ну? Круто? – обрадовалась Рита.

– Ага, – пробормотала я, внимательно рассматривая себя.

Следовало признать, что результат превзошел все ожидания. Перед зеркалом сидела симпатичная брюнеточка. Волосы цвета антрацита красиво блестели в свете электрической лампы, довольно длинные пряди падали на плечи. Губы мне Рита намазала кроваво-красной помадой. Вообще-то моими цветами всегда были мягкие, пастельные, но смуглянке, в которую я превратилась из-за тонального крема, больше подходил яркий макияж. На носу темнели очки с дымчатыми стеклами, руки тоже были покрыты темным тональным кремом.

– Я все продумала! – радостно зачирикала Рита. – Пятен не видно, волосы под стать цвету кожи, глаза у тебя слезятся, поэтому и очки. Шею и руки я тоже затонировала. Вышло – супер!

– Ага, – протянула я, – но...

– Что опять не слава богу? Тебе угодить невозможно! – рявкнула Ритуля.

– Перед глазами туман какой-то.

– Да просто очки с небольшими диоптриями. Ерунда, уйдет клиентка – снимешь. А тебе зачем ее в деталях рассматривать?

– Так ведь мне не один раз с ней встречаться. Что ж, мне всякий раз для Лауры гримироваться?

– Зачем?

– Глупо получится: в воскресенье я брюнетка, а в середине недели блондинка.

Рита повертела указательным пальцем около виска.

– Ну и что? Ты ж сыщик! Ясное дело, для конспирации имидж меняешь. Хорошо бухтеть, ступай в свою контору. Выглядишь суперски!

Я вздохнула и поплелась к себе. На мой вкус на «брюнетке» слишком много макияжа, но, в конце концов, избыток косметики не является преступлением.

Лаура появилась около одиннадцати.

– Простите, пожалуйста... – с порога завела она.

– Ерунда, – улыбнулась я, поражаясь своему неожиданному сходству с клиенткой.

Лаура была черноволоса, смугла, с яркой помадой на губах. Вот только очки у нее не дымчатые, а с прозрачными стеклами, зато оправа, очевидно, очень дорогая, огнен-

но-красная и немного вызывающая, но красивая. Хороша была и куртка, подчеркивавшая стройность фигуры: красная, с капюшоном, отороченным розовым мехом.

Клиентка села в кресло по другую сторону письменного стола и решительно заявила:

– У меня деликатная проблема.

– С другими сюда не приходят, – попыталась я изобразить из себя Эркюля Пуаро.

– Совершенно экстраординарная ситуация!

– Рассказывайте, разберемся, – хриплым меццо велела я. Надеюсь, Лауру не испугал бас женщины-детектива. Это у меня после Риткиного «лакомства» сел голос. Впрочем, низкие ноты более характерны для брюнеток, а блондинки чаще звенят колокольчиком. Наверное, существует какая-то связь между цветом волос и тембром.

Женщина поставила на пол сумочку, сложила руки на коленях и завела рассказ.

Лаура оказалась настоящей цыганкой. Не надо думать, что все ромалы кочуют табором по городам и весям, воруя лошадей и гадая на базарах. Маша, мать Лауры, родилась в Москве, окончила обычную школу, поступила в музыкальное училище и стала певицей. Вот ее мама, Шурочка, детство и юность провела в таборе, умела отлично гадать, петь, плясать. В семнадцать лет Шура приехала с другими женщинами в Москву, чтобы заработать. На столичных улицах девушка познакомилась с красивым парнем по имени Иван и

убежала с ним.

Ваня женился на Шуре, на свет появилась девочка Маша, совершенно непохожая на блондина-отца. Наверное, цыганские гены оказались доминантными, потому что и дочь Маши, Лаура, тоже внешне пошла в таборную родню и получила все цыганские таланты.

То, что она цыганка, Лаура не знала вплоть до поступления в училище, тоже музыкальное. Девочка вообще не интересовалась своим происхождением. Не волновала ее и личность отца. Мама ее очень спокойно объяснила дочери еще в раннем детстве:

– Замуж у меня выйти не получилось, вот и решила тебя на радость себе родить. Нам ведь хорошо вдвоем?

Лаура кивнула. Они с мамой, несмотря на полное отсутствие родственников, жили и правда хорошо. И в финансовом смысле тоже – Маша, мотаясь с концерта на концерт, имела достойный заработок.

Так вот, на вступительных экзаменах в училище один из педагогов сказал Лауре:

– Вас, безусловно, возьмут, но, на мой взгляд, голос вы имеете слабый. И у вас мало эмоций. А цыганки обычно вкладывают в пение душу.

– Цыганки? – удивилась Лаура. – Вы о ком?

Преподаватель вздохнул:

– Понимаю, кое-кто стесняется своих корней. Вы, любезная, легко сумеете обмануть окружающих, назвавшись, к

примеру, испанкой, но советую тогда не петь в присутствии посторонних. В особенности при таких специалистах, как я. Господь вас не слишком, повторяю, одарил голосом, но в нем тем не менее звучит цыганский надрыв, который подделать невозможно. Впрочем, при определенном старании вы сумеете развить свои данные и станете хорошей певицей.

Лаура пришла домой и сказала маме:

– Может, мне пойти учиться на медсестру? В музыкальном училище психи работают! Один препод мне сказал, что я... цыганка. В моем голосе ему какой-то надрыв слышался!

Вот тут-то мама и сообщила дочери о бабушке Шуре.

– Но почему ты раньше ничего о своих родителях не рассказывала? – только и сумела выдать из себя пораженная Лаура.

Маша мягко попыталась объяснить разгневанной Лауре суть.

– Я не стыжусь ни отца, ни матери, но люди злы и примитивны. Подавляющее большинство окружающих считают, что все цыгане – воры и обманщики. Только скажешь кому: «Я цыганка», мигом через левое плечо плюют и кошелек к себе изо всех сил прижимают. Мой тебе совет, лучше сообщай всем, что бабушка у тебя грузинка, армянка, скажем, молдаванка, кто угодно, но про цыган молчи.

– Глупости, – отрезала Лаура, – я не собираюсь никого обманывать!

Мама только укоризненно покачала головой:

– Осторожней, доченька!

– Может, во времена твоего детства и следовало трястись по поводу национальности, но сейчас все иначе, – упрямо заявила Лаура.

Очень скоро выяснилось, что Маша была права. Лаура, придя в первый день на занятия, гордо объявила однокурсникам:

– Я цыганка.

Ребята начали шушукаться, а на большой перемене одна из девушек подошла к Лауре и попросила:

– Погадай мне.

– Не умею, – ответила та.

– Ой, не ври! Вы, цыгане, рождаетесь с картами в руках! – безапелляционно воскликнула однокурсница.

Слова «вы, цыгане» Лаура с тех пор слышала очень часто. Например, от педагогов, упрекавших ее в лени.

– Вы, цыгане, с пеленок поете, а ты не желаешь разрабатывать голос...

– Вы, цыгане, танцуете еще в животе у матери, а ты не хочешь работать у балетного станка...

– Вы, цыгане, способны одновременно на трех гитарах играть, а ты два аккорда никак не освоишь...

К третьему курсу Лаура наконец-то распелась, и тогда характер замечаний изменился.

– Вы, цыгане, вечно опаздываете...

– Вы, цыгане, слишком шумные...

– Вы, цыгане, чересчур активные...

Куда ни кинь, всюду клин. Пока Лаура делала ошибки на занятиях по танцам и давала «петуха» в хоре, ее упрекали в несоответствии цыганским талантам, а едва она стала походить на бабушку и маму – начали обвинять в «цыганщине».

Потом случилась неприятность: у одной из преподавательниц исчез кошелек, в училище приехали люди в форме и начали с пристрастием допрашивать... Лауру. Девушка очень удивилась.

– Отчего ко мне столь пристальное внимание? – спросила она у дознавателя. – В день, когда украли деньги, я на занятия не приходила, болела, вот справка.

– Вы, цыгане, известные хитрецы, – ляпнул мент, – алиби заранее заготовила.

Лаура встала и вышла. В училище она вернулась лишь после того, как выяснилось: кошелек найден – преподавательница просто забыла его дома, оставила в другой сумке. Лауре очень не хотелось видеть однокурсников, на занятия девушка пришла лишь по одной причине: до получения диплома оставался месяц.

Обретя нужную бумагу, Лаура устроилась в... риелторское агентство и стала продавать квартиры.

– Отстань, мама, – отмахивалась она от Маши, – сцена не для меня. Есть бумажка об образовании, и ладно.

Теперь Лаура не рассказывала никому о своих корнях. А

как бы вы поступили, узнав, что женщина, которой следует для совершения сделки вручить деньги и документы, цыганка? Только не говорите, что с радостью доверитесь подобной особе. Поэтому Лаура сделала гладкую прическу, прекратила носить любимые ею яркие вещи, облачалась в строгие офисные костюмы. И если в ее присутствии заходила речь о родителях, не моргнув глазом она сообщала:

– Когда-то давно, в тридцатые годы двадцатого века, в СССР из Испании привезли много детей коммунистов, чтобы спасти их от режима Франко. Я потомок одного из них, в моих жилах течет кровь идальго.

Лишь один раз Лаура нарушила данный себе запрет и рассказала правду о маме-цыганке. Сделала она это во время обеда, на который была приглашена своим женихом Яковом. Поскольку дело явно катило к свадьбе, то Лаура решила сообщить будущей свекрови правду о своем происхождении.

Уже за чаем Сара Абрамовна неожиданно спросила:

– У вас редкое имя. Отчего родители так называли дочь?

– Мама захотела, – улыбнулась девушка. – Она в момент беременности читала книгу, и там была главная героиня Лаура, которой очень везло. Мама надеялась, что имя принесет мне удачу.

– Ну, в одном она права, – кивнула Сара Абрамовна, – вы встретили Яшеньку, следовательно, можете считаться редкостной счастливицей. Скажите, дорогая, хм, вы ведь не еврейка... Внешность на первый взгляд семитская, но только

на первый взгляд... Не считите мой вопрос за бестактность, мы скоро станем родственниками.

– Я цыганка, – коротко ответила Лаура.

Сара Абрамовна уронила вилку, а Яков от неожиданности ляпнул:

– Ты мне этого раньше не говорила.

– Ты меня раньше об этом не спрашивал, – пожала плечами невеста.

– Попробуйте пирожки, – слишком приветливо заулыбалась Сара Абрамовна. – Изумительно получились!

Званный ужин был в субботу. В воскресенье и в понедельник Яков не звонил, а во вторник объявился и сказал:

– Мама приболела, на этой неделе нам не встретиться.

Через четырнадцать дней Лаура решила сама побеспокоить Яшу. К телефону подошла Сара Абрамовна и сухо сказала:

– Яков уехал в длительную командировку. Вы, деточка, должны понять, мой сын еще слишком молод для стабильных отношений, ему следует думать о карьере.

Это было последним ударом. С тех пор Лаура крепко зарубила себе на носу: никаких откровений о цыганских корнях. Маша оказалась права, от правды – одни неприятности.

В прошлом году Маша умерла, и Лаура с тех пор живет одна. Замуж не торопится: она очень хорошо зарабатывает, и материальной необходимости в браке нет, великая же любовь в ее жизни пока не случилась. Но от отсутствия кав-

леров риелторша не страдает. В общем, Лаура вела замечательную, вполне ее устраивающую благополучную жизнь.

Но неделю назад плавное течение дней было нарушено визитом некоего господина Панкина. Лаура слегка удивилась, увидев на пороге собственной квартиры незнакомого, хорошо одетого мужчину, и воскликнула:

– Вы к кому?

– Иванова Лаура Михайловна тут проживает? – ласково осведомился дядька.

– Это я, – кивнула девушка.

– Очень рад, – еще шире заулыбался незваный гость и протянул Лауре визитку.

– «Панкин Николай Олегович, адвокат», – прочитала вслух девушка. – Простите, пока ничего не понимаю.

– Разрешите войти и объяснить суть? – спросил Панкин.

Лаура посторонилась, пропуская его.

– Пожалуйста, только в квартире не прибрано, я не ждала гостей.

– Право, ерунда, – быстро ответил юрист, вешая на крючок вызывающе дорогое пальто, подбитое натуральным мехом. – Буду краток: ваш отец, Антонов Михаил Петрович, в курсе, что Мария умерла.

– Кто? – попяtilась Лаура.

– Ваш папенька.

– Как его зовут?

– Антонов Михаил Петрович, – слегка удивленно отозвал-

ся законник. – Вы не знали имени отца?

– Н-нет, – ответила девушка.

– Как же так? – изумился Панкин. – А отчество? Оно ведь у вас по отцу – Михайловна!

– Думала, мама его просто так записала, – пробормотала Лаура, – случайное.

– Нет, конечно, – потер руки Николай Олегович. – Неужели Мария не открыла вам правду?

Лаура помотала головой.

Панкин крикнул.

– Тогда придется мне. Честно говоря, я-то полагал, что вы в курсе и выполняете отцовскую просьбу. Кстати, Михаил Петрович долгие годы мучается чувством вины перед вами и решил... Ладно, давайте по порядку.

На голову оторопевшей Лауры свалилась совершенно невероятная информация. Оказывается, у Маши был роман с неким Антоновым, и в результате родилась девочка, названная Лаурой. Имя мама взяла вовсе не из книжки – Лаурой звали сестру Михаила, горячо им любимую, умершую молодой.

Антонов нежно любил Машу, но соединить с ней судьбу не мог, так как был женат и имел двоих детей: мальчика Костю и девочку Лану. К супруге Анне мужчина давно не испытывал нежных чувств, но разводиться не собирался, и на то имелись веские причины.

В свое время Миша, провинциальный мальчик, поступил учиться в московский вуз, где был немедленно взят под опеку ректором, Валерием Сергеевичем. Вечно голодного студента профессор часто зазывал к себе, кормил, поил, а когда его единственная дочь влюбилась в Антонова, со слезами на глазах благословил детей.

И что оставалось делать Мише? При виде Анны головы он не терял, но и отвращения она не вызывала. К тому же девушка являлась завидной невестой с солидным приданым: квартира, машина, дача и папа-ректор, способный пристроить зятя на хорошее место. Не следует осуждать Михаила, многим молодым и амбициозным юношам и девушкам приходится решать подобным образом проблему своего будущего. К тому же у Антонова не имелось никакой другой возлюбленной, он никого не предавал, не разбивал выгодным браком влюбленного сердца.

Сыграли свадьбу, и молодые зажили, на зависть окружающим, счастливо. Анна оказалась идеальной женой – умной, понимающей, неистеричной и нескандальной, отличной хозяйкой. Она родила Михаилу двоих детей, крепкой рукой управляла домом и никогда не ругалась с мужем. Валерий Сергеевич помог зятю защитить кандидатскую. В общем, идеальная семья. Вот только иногда по вечерам, куря на балконе дачи, Михаил думал:

«Это и есть счастье? Я не способен на сильное чувство? Или оно – выдумка поэтов и экзальтированных личностей?»

Глава 3

С красавицей Машей Михаил столкнулся в магазине. Банальная, бытовая ситуация – она уронила перчатку, он наклонился, поднял ее и подал девушке – переросла в страстный роман. Вот когда Антонов нахлебался эмоций! В отличие от ровно-спокойной, даже холодной Анны в Маше кипел вулкан страстей. За одни сутки она успевала, сначала горя от любви, обнимать любовника, потом, поругавшись с кавалером, закатить вселенский скандал и выгнать Мишу, но через мгновение спохватиться, высунуться из окна и заорать: «Немедленно вернись, иначе сейчас выпрыгну!» – и снова обнимать, целовать любимого. И опять поцапаться с ним...

Михаил жил словно на вулкане, и что удивительно: ему страшно нравился Машин характер. Может, Антонов просто устал от интеллигентности Анны, способной стать незаметной даже на собственной свадьбе? А Маша всегда оказывалась в центре внимания. Она носила модную яркую одежду и была хороша собой не по-советски: в те годы, когда женщины старательно застегивали блузки до горла и облачались в мешковатые кофты из мохера, Маша, часто катавшаяся на гастролы за границу, щеголяла в коротких юбках и обтягивающих маечках. Еще у нее всегда имелась хорошая косметика, и за девушкой постоянно тянулся шлейф аромата французских духов. В стае серых голубей, на которых походили

москвички, Машенька казалась яркой колибри: веселое, беззаботное существо, занимающееся абсолютно несерьезным делом – пением и танцами.

Маша не отличалась особой рассудительностью. Поэтому, не почувствовав обычного ежемесячного женского недомогания, она, вместо того чтобы тут же нестись к гинекологу, легкомысленно подумала: «Это от нервов», – и укатила в четырехмесячные гастроли по Латинской Америке.

В советские годы большинство эстрадных артистов (впрочем, как и сейчас) зарабатывали «чёсом» – мотались с концертами по необъятным просторам СССР. Но самым сладким считался выезд за границу, потому что тогда певицам и танцорам платили долларами, суточные следовало тратить в чужой стране, что Маша и проделывала с огромной радостью, покупая себе одежду, косметику и многое другое, недоступное обычным советским женщинам. Отказываться от шикарных гастролей по Латинской Америке подобной ерунды Машенька не собиралась. Поэтому, помахав Мише рукой, она с легким сердцем улетела в Боливию.

Вернувшись в Москву, слегка обеспокоенная тошнотой и невесть откуда взявшейся слезливостью, Маша все же сходила к доктору и ахнула, услышав диагноз:

– Вы беременны, аборт делать поздно.

Михаил, узнав о положении, в котором оказалась его любовница, растерялся и воскликнул:

– Как же так? Отчего раньше не заметила?

Маша уперла руку в бок:

– Ты не рад?

– Э... э... – забормотал слегка испуганно Антонов, только сейчас сообразивший, чем ему грозит создавшееся положение.

Слишком эмоциональная, горячая Маша способна на резкие поступки, она может заявиться к Анне, устроить жуткий скандал. В общем, Михаил испугался. А Маша, заметив в глазах возлюбленного страх, поступила странно.

– Ладно, – тихо сказала она, – постараюсь все-таки сделать аборт.

– Что ты! – замахал руками Миша. – Это опасно.

– Значит, рожать? – уточнила любовница.

– Ну... у... у... – замямлил Антонов.

– Пошел вон! – рявкнула возлюбленная и выставила кавалера на улицу.

Михаил не очень расстроился – Машенька проделывала подобное не раз. Мужчина вышел из подъезда и медленно двинулся вдоль детской площадки. Он великолепно знал, как будут развиваться события дальше. Вот сейчас девушка вылетит на балкон и закричит: «Дорогой, прости, прости!..»

Миша остановился и задрал голову вверх. Лоджия была пуста. Более того, Маша не стала вечером добиваться Антонова по телефону. Через неделю, решив задуть огонь ссоры, Миша сам позвонил любимой.

– Как дела? – бодро спросил он.

– Приезжай, – неожиданно спокойно ответила Маша.

Обрадованный Антонов тут же прибыл по знакомому адресу.

– Тебе следует принять решение, – едва он переступил порог, заявила Маша, – выбирай: либо я с ребенком, либо Анна. Пока я жила сама по себе, мне на все было плевать, но теперь положение изменилось: не хочу, чтобы моя дочь ощущала себя ненужной.

– Отчего ты решила, что появится девочка? – удивился Миша.

– Не о том думаешь! – топнула ногой Маша. – Я или Анна?

И снова Антонов растерялся. Он не был готов к подобному разговору, не предполагал, что любовница столь жестко поведет себя. В голове Миши мигом забурили мысли. Анна спокойная, рассудительная, с ней надежно и уютно. Кроме того, в семье устоявшийся быт, имеется хорошая квартира, дача, везде сделан ремонт, куплена новая мебель, есть машина, в общем, основные денежные вливания совершены, теперь можно жить спокойно. Дети подрастают, особых хлопот с ними нет. А что ждет Мишу в случае ухода к Маше? Конечно, приятно, попарившись в баньке, броситься в ледяную воду, но это удовольствие хорошо раз в неделю. Ежедневно жить в обнимку с... землетрясением, мягко говоря, обременительно. К тому же остро встанет финансовый вопрос: Анне придется платить алименты на сына и дочь. У Маши небольшая квартирка, вдвоем в ней будет тесно, ле-

том придется снимать дачу. Ясное дело, Анна не пригласит к себе на фазенду бывшего мужа и его новую жену. И машину, купленную на подаренную тестем сумму, придется оставить первой семье. Антонов вновь превратится в нищего парня безо всякой поддержки и особых перспектив...

Только Миша додумал до этого момента, как Маша крепко толкнула его в грудь. От неожиданности, чтобы устоять на ногах, Антонов сделал шаг назад, за порог, дверь в квартиру с треском захлопнулась прямо перед его носом. Михаил начал звонить, потом стучать кулаком в дверь, но Маша не отвечала.

В конце концов мужчина рассердился.

– Не хочешь – не надо! – крикнул он и ушел.

Лишь дома ему в голову пришла мысль, заставившая похолодеть. Что, если Маша заявится к Анне и устроит «разбор полетов»?

Несколько месяцев Михаил вздрагивал от любого шума, доносившегося с лестничной клетки, но Маша не давала о себе знать, и мало-помалу Антонов успокоился. Он мало-душно решил, что певица, проявив благоразумие, сделала аборт и вычеркнула его из своей жизни.

Спустя три года после описанных событий Миша, почти забывший Машу, получил приказ от начальства сводить на концерт прибывшего из Сибири гостя фирмы.

– Развлеки его по полной программе, – велел директор, – он нам нужен. Сначала пусть песни послушает, потом в ре-

сторон его отведи.

Антонов кивнул, взял билеты и отвез провинциала в Концертный зал. Второе отделение открывала Маша. Она слегка пополнела, но выглядела потрясающе.

– Экий персик, – причмокнул губами провинциал, – красotka первый сорт. Эй, ты куда?

– В туалет, – шепнул Миша, – живот прихватило.

Использував все свое обаяние и приложив к нему некую сумму, Антонов проник в гримерку к бывшей любовнице. Та встретила Михаила равнодушно.

– Зачем пришел?

– Просто так, – слегка растерялся Миша, – посмотреть на тебя.

– Посмотрел? – прищурилась Маша. – Теперь вали отсюда в...

Сообщить адрес, по которому следовало отправиться бывшему возлюбленному, певица не успела. Дверь распахнулась, появилась пожилая женщина с девочкой на руках.

– Очень уж Лаура плачет, – тихо сказала нянька, – к вам просится!

Маша слегка покраснела, но потом сказала:

– Ладно, Нина Ивановна, оставьте девочку и идите.

Антонов во все глаза уставился на малышку, Маша обняла дочь и поправила огромный бант, украшавший волосы ребенка.

– Это моя дочь! – воскликнул Миша.

– Да пошел ты... – буркнула Маша. – Лаура только моя. Три года с тобой не виделась, и еще бы сто лет не встречаться.

В общем, разговора не получилось. Миша ушел, но с тех пор его стала терзать совесть. Сын Костя и дочка Лана оказались очень похожи на Анну – светловолосые, белокожие, с прозрачно-голубыми глазами. Дети, рожденные в законном браке, обрели и материнский ровно-холодный характер. А Лаура показалась Мише похожей на него. Антонов был смуглый брюнет, и малышка даже в столь раннем возрасте имела роскошные смольные кудри, глубокого тона карие глаза. Можно было посчитать Лауру копией цыганки Маши, но Михаил мигом решил: девочка – его копия.

Промаявшись пару недель, Антонов приехал к Маше и заявил:

- Ты не имеешь права лишать меня общения с дочерью.
- Маша скривилась:
- Она Иванова, а не Антонова.
- Но ведь Михайловна! И названа в честь моей сестры!
- Просто так записала отчество, – пожала плечами певица, – а имя нравилось давно.
- Не будь жестокой! – взмолился Миша.
- Ладно, – кивнула Маша, – переезжай к нам.
- Но у меня есть семья! – воскликнул Миша.
- Приходящий папа нам не нужен! – рявкнула певица. И повторила давние слова: – Выбирай: либо я, либо она.

– Послушай, – попытался урезонить горячку Антонов, – девочке нужен отец...

– Либо я, либо Анна!

– Буду помогать материально.

– Отлично, можешь платить алименты Анне, – усмехнулась Маша.

– Я не могу развестись с женой. Пойми, у нас дети!

– Не знала, что Лаура котенок, – оборвала Михаила бывшая возлюбленная.

Разговор зашел в тупик и закончился гневным заявлением певицы:

– Тебя сюда никто не звал, пошел вон!

Антонов удалился и попытался забыть Машу с Лаурой.

Шли годы, Михаил Петрович разбогател, стал успешным бизнесменом, а вот Маша совершенно исчезла с подмостков. Пару раз Антонов хотел пойти на концерт с ее участием, велел своей секретарше купить билеты, но девушка не сумела выполнить задание босса. В конце концов Михаил Петрович выяснил: Маша катается по провинции, дает концерты в крохотных клубах, для Москвы она больше не представляет интереса, столица любит молодых.

Антонов честно пытался выкинуть из головы мысли о певице и дочке, но нет-нет да в голове возникал неприятный вопрос. Может, он сделал неправильный вывод? Вдруг, решишь тогда Антонов порвать с Анной, он был бы теперь более счастлив?

Если честно, Костя и Лана не очень радовали отца. Нет, они были хорошими детьми, но какими-то апатичными, никогда не бросались на шею папы с поцелуями. Да и Анна с каждым прожитым днем становилась все более и более равнодушной к мужу. Михаил сам себе напоминал жеребца, который после тяжелой работы понуро бредет в привычное теплое стойло, получает качественный корм и встает копытами на свежую подстилку. На условия жизни вроде бы грех жаловаться, но, вот парадокс, порой появляется зависть к тому, кого то целуют, то бьют. Хотя, наверное, к Мише просто подобрался кризис среднего возраста, поэтому и лезут в голову мысли о страдающих четвероногих, которые на самом деле, вероятно, абсолютно счастливы при виде полной кормушки.

Успокаивая себя, Миша жил в привычном ритме, но плавное течение событий было вдруг прервано. Бизнесмену позвонила женщина и сказала:

– Вас беспокоит Митина Олеся Петровна, лечащий врач Ивановой Марии. Она скончалась и просила передать вам письмо.

– Кто умер? – подскочил Антонов.

– Иванова Мария, – повторила доктор.

– Не может быть!

– Увы, – тихо подтвердила Олеся Петровна. – Так заберете послание? Маша сказала: «Если он не захочет приехать, сожги бумагу».

– Я уже в пути! – крикнул Михаил и кинулся к двери.

Первое и последнее письмо от своей единственной любовницы Михаил читал, скрючившись на скамейке в больничном парке.

«Михаил! Если ты держишь в руках этот листок, значит, я умерла. Перед смертью принято прощать, поэтому я больше не обижаюсь на тебя. Я простила тебе твою малодушие, трусость и жадность. Мне даже жаль тебя, прожившего всю жизнь словно в спячке. Ты не заметил большой любви, которую послал тебе Господь, отмахнулся от нее, променял чувства на разумное спокойствие, покрылся мхом. Ты живой, но мертвый, а я умерла, но живая. Впрочем, думаю, для тебя это слишком сложные размышления. Теперь о деле. Михаил, я не доставляла тебе никаких неприятностей. Думаешь, не знала твой домашний телефон и адрес? Боже, какая наивность! Отчего я, человек горячий и страстный, не переколодила окна в твоей квартире, не выцарапала Аньке глаза и не выдрала у нее космы? Боюсь, тебе снова будет трудно понять меня, но попытаюсь объяснить.

Михаил, я любила тебя всю жизнь и очень хорошо понимала: от выбитых стекол мне бы лучше не стало. Вполне вероятно, что, узнав о моем существовании, Аня выгнала бы тебя вон и ты пришел бы ко мне. Но ничего хорошего из подобной ситуации получиться не могло. Поэтому я решила спрятаться в тени. Не скрою, очень надеялась, что ты оценишь мой поступок, поймешь его мотивы, полюбишь глупую

Машу, переедешь к ней, плюнешь на деньги, квартиру, дачу, машину и выберешь любовь. Но, увы, ты оказался не орлом, а трусливым пингином. Не мне осуждать тебя, любовь к Мише Антонову ушла, остались лишь грусть и сожаление о твоей эмоциональной тупости. На свет часто рождаются люди без музыкального слуха, но еще чаще без умения любить. Ты один из них, поэтому сейчас я обращаюсь не к твоему сердцу, а к разуму.

Михаил, в создании новой жизни участвуют два человека, и оба они потом несут равную ответственность за ребенка. У нас вышел перекося, вся тяжесть воспитания Лауры легла на мои плечи. Да, ты пару раз предлагал помощь, но я не принимала ее из гордости. И сейчас бы не обеспокоила тебя, но ведь я умерла. Лаура осталась одна в целом мире. У моей дочки, теперь уже взрослой, из родственников имеется лишь отец. Поэтому уже из гроба я требую от тебя: а) помогать дочери материально, ты ведь не платил ни копейки алиментов и теперь должен много денег; б) помочь девочке выйти замуж за достойного человека; в) сообщить своей жене и детям о существовании Лауры; г) с лихвой возместить ей недополученное от тебя в детстве внимание. О любви я тут не пишу, ты ведь не знаешь, что это за зверь такой, любовь.

Я не о милостыне прошу. Я требую то, что мне положено по закону. Если в течение полугода после моей смерти Лаура не окажется на правах законной дочери в твоём шикарном доме, я начну мстить. Каким образом может навредить умер-

шая, от которой осталась лишь горстка пепла? О, милый, ты и не догадываешься, в какую ненависть способна трансформироваться всепоглощающая любовь, на что способна обиженная женщина. Я оставила кое-кому необходимые распоряжения. Побойшься признать Лауру, струсил, как обычно, не пожелаешь поднять тело пингвина с теплого дивана, лишишься всего: Анны, двух ее деток и покоя. Лучше тебе меня послушать, иначе беды не оберешься. Все эти годы я имела замечательное хобби: собирала данные о тебе и твоей распрекрасной женушке. Где они? О, это секрет, который взорвется бомбой, если предашь Лауру.

Это все, что я хотела сказать. Прощай, Михаил, и помни: твое счастье зависит лишь от тебя. Маша».

Лаура замолчала и глянула на меня.

– Как вам история?

Я пожала плечами.

– Разное случается, у каждой семьи имеется свой скелет в шкафу. Извините, но пока не понимаю, зачем я вам понадобилась. Вы подозреваете, что ваша мать умерла не своей смертью?

– У нее был рак, – грустно ответила Лаура. – К сожалению, диагноз поставили поздно, опухоль стала неоперабельной. В маминной кончине нет ничего загадочного.

– Тогда в чем дело?

Лаура глубоко вздохнула:

– Похоже, отец и впрямь трусоват. Сам прийти побоялся, прислал адвоката. С предложением. Папочка не отказывается признать меня, более того, он готов помогать незаконной дочери материально и объявить жене, что у него имеется еще один ребенок. Но... не сразу.

– А как? – фыркнула я. – По частям? В понедельник сказать: «Анна!», во вторник добавить: «Я имею», в среду продолжить: «незаконнорожденную дочь»?

Лаура усмехнулась.

– Примерно так. Папенька приглашает меня приехать к нему в дом и прикинуться племянницей.

– Кем? – удивилась я.

Лаура хмыкнула.

– Помните, я говорила, что у отца была когда-то сестра и что мама дала мне имя в ее честь. Так вот Михаил Петрович предлагает мне назваться ее дочерью. Целый сценарий написал. Дескать, после смерти Лауры ее муж увез дочку, то есть меня маленькую, во Владивосток. Там он женился снова и не сообщил дочке, кто ее настоящая мать. Я всю жизнь не знала правды, но на днях родитель умер, успев перед смертью сообщить истину. И вот теперь я приехала погостить у дяди.

– Ну... немного глупо, но может сойти за правду, если слегка откорректировать детали, – протянула я. – А зачем нужен такой странный ход?

– Анна больна, – пояснила Лаура, – у нее шалит сердце, любой стресс ей опасен. Поэтому Михаил Петрович рассу-

дил так: он не хочет доставлять жене страдания, но и бросить незаконнорожденную дочь считает подлым. Денег у Антонова много, хватит на всех и еще останется. Я под видом племянницы должна войти в дом, постараться понравиться Анне, подружиться с Костей и Ланой. Некоторое время, но Антонов полагает, что недолгое, придется ломать комедию, а потом он купит мне все: просторную квартиру, бизнес, выдаст замуж за хорошего человека. В общем, и волки будут сыты, и овцы целы: сам он соблюдет тайну, Анна не узнает об адюльтере, а Маша сможет спать спокойно – ее девочка будет устроена.

Лаура замолчала, потом горько добавила:

– Мама была права: он трус. Только я не такая гордая, как она. Конечно, я вполне самостоятельна, прилично зарабатываю. Но квартиру хорошую мне самой не купить, новую иномарку тоже, о загородном доме и брильянтах можно лишь мечтать, а вокруг одни «обмылки» тусуются, на нормальных мужиков мало похожи. Антонов введет меня в круг иных людей, богатых и знаменитых. И потом, он будет благодарен дочери за участие в спектакле, станет испытывать определенное неудобство и по этой причине шире откроет кошелек. Так что мне надо соглашаться на роль племянницы, нечего из себя, как мама, гордячку корчить. Мне нужны деньги, и чем больше, тем лучше. Ну как?

Я аккуратно выстроила телефонные аппараты в ровную линию и обтекаемо ответила:

– Что ж, каждый кузнец своего счастья.

– Вот! – обрадованно воскликнула Лаура. – Значит, вы согласны. Осталось обсудить детали.

Глава 4

Я вздрогнула.

– На что согласна?

– Вы же готовы мне помочь!

– В чем?

Лаура вскинула брови, потом вдруг громко засмеялась.

– Ну не дура ли я, самое главное не сказала! Поедете вместе меня к Антонову.

– Я?!

– Вы, вы, – закивала Лаура.

– Что-то никак не пойму... – покачала я головой. – Не доходит до меня, чем заниматься-то надо? Где тут преступление, которое вы хотите расследовать? Кого убили?

Лаура быстро перекрестилась:

– Господь с вами! Все живы.

– Четко изложите дело! – рявкнула я. – Без экивоков!

Лаура потерла пальцами виски.

– Значит, так! Я хочу денег, хорошую квартиру, машину, богатого мужа. Это ясно?

– Более чем.

– Самой мне столько не заработать и супруга соответствующего не найти.

– Дальше.

– Но Антонов может устроить счастье дочери...

– Уже слышала.

– ...если соглашусь притвориться племянницей и понравлюсь его домашним. Михаил боится нервировать Анну, но та разрешит помочь ближайшей родственнице...

– Угу, – кивнула я, – вы это рассказывали, незачем повторяться.

– Племянница должна прийтись по вкусу жене Антонова, иначе Анна может запротестовать и запретит мужу тратить средства на невесту откуда взявшуюся девицу.

– Кто у них в доме хозяин? Кто деньги приносит?

– Капитал заработал Антонов, – терпеливо растолковывала ситуацию Лаура, – но довольно долгое время он жил за счет тестя. И вообще, не хочет семейного скандала. Ситуация с племянницей – компромисс. Понятно?

– В принципе, да.

– Есть одно «но»! – с жаром воскликнула посетительница.

– Какое?

– Я!

– Вы? – удивилась я.

Клиентка дернула плечом.

– Характер у меня не отцовский, похоже, в этом смысле я пошла в цыганскую родню. Вообще-то я спокойная и стараюсь держать себя в руках, но иногда, в самый неподходящий момент, из меня вылезает прапрадедушка Яков. Мама рассказывала, что он трех жен убил – темнело у мужика от ярости в глазах, неуправляемым делался, стопроцентно бешеный.

ным. И со мной подобное происходит. В школе меня учителя побаивались, я пару раз на них с кулаками кидалась. Представляете, поставили по математике за контрольную «два» несправедливо – училке показалось, что списываю, она выхватила тетрадь с парты и накорябала там «неуд». Ну меня и понесло... Страх вспомнить! Класс под парты попрятался. Мама потом еле-еле дело замяла. И еще пара подобных ситуаций в моей жизни произошла, когда прямо-таки голову у меня срывало. Но это не самое плохое!

– Да?

Лаура немного помолчала, а потом продолжила:

– Понимаю вашу иронию. Но уж дослушайте. Еще во мне порой просыпается и бабушка Шура, непроходимая, дремучая идиотка. Вот где беда! Начинаю пороть чушь, глупо хихикаю, корчу рожи. И ведь умом понимаю: надо остановиться, а не могу! Еще я подчас демонстрирую мамину бескрайнюю гордыню, способна завестись от неосторожно брошенного кем-то вполне обычного, но мне показавшегося обидным слова. Язык впереди ума бежит. А ведь у меня еще и руки имеются – я дерусь, как кошка! И как полагаете, сумею я понравиться новой родне? Скажет Анна что-то неприятное или, допустим, Лана, никогда не виденная сестричка, физиономию в мою сторону скроит, мигом развернусь и влеплю ей по морде. Думаете, славно получится?

– Нет, – вздохнула я.

– Верно, – кивнула Лаура. – Выгонят племяшку вон, к че-

му им такая радость, и я безо всего останусь. Вот и придумала отличный выход из положения.

– И какой же? – осторожно поинтересовалась я.

Лаура заулыбалась:

– Вы вместо меня к Антонову в дом поедете. Поживете на всем готовом, понравится Анне с детками. Вам-то они люди чужие, раздражать не будут.

– Вы с ума сошли! – подскочила я.

– Вовсе нет.

– Вам следует обратиться к какой-нибудь актрисе.

– Да уж пробовала, – отмахнулась Лаура. – С тремя беседовала и не договорилась.

Мне стало интересно.

– Почему?

Клиентка вынула из сумочки сигареты.

– Никак не брошу, – пожаловалась она, – держусь, держусь, а потом бац – и снова закурю.

– А ты не носи с собой пачку, – отчего-то фамильярно сказала я.

– Толку-то... – пожала плечами Лаура. – Если мне чего захотелось, так все! Умру, но достану необходимое. А с актрисами что получилось... Они в один голос твердили: «Хорошо, согласны, только нам сценарий нужен. Давайте роль, выучим и в добрый путь». А как я им слова напишу, если там сплошная импровизация потребуется? Нет, здесь нужна умная, ловкая, талантливая, не теряющаяся ни при каких

обстоятельствах женщина. Такая, как ты.

Не скрою, мне было приятно слышать объективную оценку своих способностей.

– Теперь о гонораре, – подытожила Лаура.

– Я еще не дала согласия на участие в комедии!

– А я еще не изложила, что ты получишь в случае успеха, – слегка покраснев, воскликнула Лаура. – Вот смотри.

Мои глаза уперлись в фотографию. Несмотря на стекла с диоптриями, мне стало ясно: снимок запечатлел изумительное место – большая, квадратная поляна, по краю которой стеной стоял смешанный лес.

– Мама довольно давно купила участок, – пояснила Лаура, – расположен он в старом дачном местечке под названием Птичье. Там всякие знаменитости живут, начну перечислять, закачаешься от имен...

Я, затаив дыхание, слушала клиентку.

– Птичье – большое, и не вся его территория считается элитной. Мама приобрела сотки в самом отдаленном углу, на границе с лесом. От станции сюда и за час не дойти, надо ехать на машине. Дорога узкая, неосвещенная, разбитая, но, преодолев трудности, в конце концов оказываешься вознагражден, вырывается к небольшим домикам (их всего-то семь штук), стоящим в изумительно спокойном месте. Там вообще-то все готово под застройку, – добавила Лаура, – есть и коммуникации. Просто у мамы денег не было, чтобы строительство затевать. Сейчас цена на землю быстро растет, по-

лучишь лакомый кусочек.

Я вздрогнула.

– Предлагаешь в качестве гонорара участок?

– Ага, – кивнула Лаура. – Постараешься, сумеешь очаровать Анну и ее деток-конфеток – получишь землю, переоформлю ее на тебя.

Я молча смотрела на фото. Тот, кто решил возводить дом, очень хорошо знает: найти подходящее место под застройку крайне сложно. Подмосковье большое, а выбор для будущего земле – и коттеджевладельца ограничен. А для нашего семейства в особенности.

Начнем с того, что мы хотим перебраться за город на постоянное место жительства, следовательно, всякие «Лебеди», «Сказки», «Земляничные поляны», расположенные дальше чем за сорок километров от Московской кольцевой автодороги, отпадают. Во-вторых, нас много, и у каждого свой прибабах. Юлечка мечтает жить в сосновом лесу, Сережка в березовом, Вовке хочется иметь поблизости речку, Кирюша не отказался бы летом бегать на футбольное поле, а зимой на каток, Катюша не мыслит фазенды без цветов, а я намереваюсь просто сидеть на террасе, дышать свежим воздухом и смотреть на весело играющих во дворе собак. Исполнить все желания очень трудно. Один раз, правда, нам попало отличное место, с уже готовым домом, но закончилась та история совсем не радостно².

² См. книгу Дарьи Донцовой «Принцесса на Кириешках», издательство «Экс-

– Маме крупно повезло, – продолжала тем временем Лаура, – место восхитительное. Сосна попеременно с березами, а если пройти чуть влево, выйдешь к реке, там, говорят, рыбы полно. Справа, правда, любители устроили футбольное поле, но до участка крики спортсменов не долетают. Зимой мяч никто не гоняет, там заливают каток, но народу немного, поэтому шуму никакого. Очень удобный участок: с одной стороны солнечный, там можно цветник разбить, с другой тень, а упирается надел в лесное хозяйство, деревья никто рубить не разрешит, поэтому свежий воздух и тишина обеспечены.

Я, как завороченная, продолжала смотреть на фото. Надо же, какое замечательное место. Воображение тут же развернуло картинку...

Теплый июньский день, на веранде уютного кирпичного дома в кресле-качалке с книгой в руке мирно сидит госпожа Романова. Рядом столик, на котором стоит чашечка с замечательно заваренным цейлонским чаем и коробочка шоколадных конфет. Чуть поодаль, на раскладушке, мирно похрапывают мопсы. Из сада слышен громкий лай – Рейчел и Рамик устроили игру в догонялки.

– Эй, потише! – летит над садом голос, это пытается остановить расшалившихся собак Катюша. – Цветы помнете, не бегайте по клумбам!

Я поднимаю глаза от книги и вижу Костина, который с удочкой на плече идет в сторону кухни, в руках у Вовки вед-

ро, полное рыбы. По дорожке, стуча футбольным мячом, бежит Кирюша, со второго этажа доносятся веселые голоса: к Лизе приехали в гости подружки. А в воздухе витает запах жареного мяса – это Сережка на заднем дворе затеял шашлык. Я счастливо вздыхаю, и в ту же секунду меня обнимает Юлечка.

– Ах, Лампа, – говорит она, – это все ты! Заработала такой замечательный участок...

– Вот еще пятьсот баксов, – долетел до меня голос Лауры. Я вздрогнула, видение исчезло.

– Эй, – окликнула меня клиентка, – ты чего? Сидишь, словно замороженная, в одну точку уставилась. Про пять сотен слышала?

– Хватит участка, – сказала я. – Да и его слишком много, мои услуги столько не стоят.

Лаура тяжело вздохнула.

– У меня наличных денег не особо много, строить дачу не буду никогда, земля просто пропадает. Если сумеешь понравиться Антоновым, я такие дивиденды получу, что по сравнению с ними сотки в Птичьем – сущая ерунда. Естественно, составим договор дарения – поедем в нотариальную контору и все честь по чести оформим. А пока суд да дело, возьми пятьсот баксов на расходы.

– Боюсь, мне будет трудно тебя изобразить, – попыталась трезво оценить ситуацию я.

– Почему? Мы очень похожи внешне, – радостно восклик-

нула Лаура, – цвет волос, кожи. У тебя, наверное, в роду молдаване были?

Я хотела сказать, что у меня в роду имелась аллергия, но по непонятной причине промолчала.

– Тебе даже гримироваться не придется, – радостно тараторила Лаура.

– Внешняя схожесть – полдела, – попыталась я спустить клиентку с небес на землю. – У каждого человека есть некие индивидуальные особенности: манера разговаривать, походка. Михаил моментально заметит подмену.

Лаура покачала головой.

– Каким местом ты меня слушала? Антонов видел меня один раз в жизни, мельком, когда я была крошкой. Откуда ему знать о моих особенностях? Не идиотничай, лучше соглашайся. За ерунду участок получишь! Дело пустяковое: недельку-другую в доме потолкаешься, всем по сердцу придешься, и до свидания. Главное, улыбайся им и сюсюкай. Ну? Согласна? Если нет, пойду по другому адресу.

– Ладно! – воскликнула я. – А когда начинать?

– Завтра! – ажиотированно сообщила Лаура. – Ровно в восемь утра в аэропорту Домодедово у справочного бюро племяшку будет ждать шофер Антонова.

– Какое странное место для встречи, – удивилась я. – Зачем в подобную рань, да еще в аэропорту? До него два часа ехать.

Лаура прищурилась.

– Похоже, у тебя не слишком хорошая память! Забыла, что являешься племянницей Антонова, живущей во Владивостоке? Так, еще раз повторим. Михаил вовсе не собирается потом со мной поддерживать отношения, он хочет лишь избежать скандала, поэтому решил отстегнуть дочке бабки и пристроить замуж. Насколько я поняла, Анна имеет доступ ко всем счетам, поэтому незаметно взять большую сумму папочка не сможет, следовательно, надо понравиться его супруге и отпрыскам, чтобы они не протестовали, когда папочка отщипнет от миллионов крохи родственнице. Теперь давай решим формальности и обговорим детали. Держи.

– Это что?

– Неужели не понятно? – раздраженно воскликнула Лаура. – Коробка конфет!

Я покосилась на клиентку. Похоже, у нее и впрямь излишне вспыльчивый характер, если, услышав простой вопрос, она начинает вскипать. Ну, сморозила собеседница глупость, зачем же злиться... А Лаура вон уже начинает краснеть, хорошо хоть, она умеет трезво посмотреть на себя со стороны. Да уж, столь вспыльчивой девушке и впрямь лучше отправить к незнакомым родственникам подставное лицо.

– Имела в виду другое: зачем мне конфеты? – улыбнулась я.

Лаура медленно побледнела.

– Это сувенир из Владивостока, конфеты из дробленых орехов и меда, называются «Метеорит». Мне их недавно

приятель привез, и очень кстати. Смотри, на коробке написано «Владивосток». Скажешь, что привезла из дома презент, для достоверности. Здорово я придумала?

Спустя некоторое время я, страшно довольная собой, притормозила свою крошку-машину около большого торгового центра, сбежала в обменник, превратила полученные от Лауры пятьсот долларов в рубли и направилась в магазины. Через две недели Новый год, следует купить всем подарки.

Не знаю, как вы, а я не слишком люблю длительные праздники. Нет, обожаю елку, запах хвои и мандаринов, разноцветные гирлянды – все это напоминает детство. Я совсем не прочь тридцать первого декабря выпить пару бокалов шампанского и упасть в кресло перед телевизором. Сейчас модно ругать праздничные программы, но я их благодарный зритель, мне нравится все: Киркоров в костюме зайчика, Фриске в роли ведьмы, Пугачева в качестве ведущей концерта, Глюкоза на санках с доберманом, Моисеев с подтанцовками, Галкин с шутками... Я готова в сто семьдесят пятый раз смотреть фильмы «Чародеи» и «Ирония судьбы», прихожу в экстаз от новой развлекательной программы в канун праздника. Но после конца декабря наступает начало января, и приходится мыть посуду, пылесосить полы и приводить в порядок комнаты. Впрочем, первое января еще тоже ничего день, есть в нем определенная прелесть. Просыпаешься к обеду, садишься вся взлохмаченная в кресло, ставишь

на колени миску с салатом «оливье» и начинаешь быстро доедать остатки, тупо уставившись все в тот же телевизор. Но вот второе января уже значительно хуже.

А теперь мы имеем длительные рождественские каникулы. Очень хорошо помню, как некий высокопоставленный чиновник, комментируя решение депутатов о введении десятидневного отдыха, с восторгом восклицал: «Наконец-то у народа будет возможность провести побольше времени с семьей. Можно поехать куда угодно – в Эмираты, Египет, Испанию, на Канары... Ну а те, кто решил остаться дома, встанут на коньки и лыжи, сядут на санки, снегокаты, одним словом, займутся спортом, что очень хорошо для здоровья...»

Помнится, меня очень посмешило сие радостное заявление. Чиновник забыл сказать, где людям взять денег на зарубежные путешествия. Что же касается лыж, коньков, санок и всяких там экзотических снегокатов, то никто из наших знакомых ни к чему подобному не приближается. В основном народ сидит дома, пьет и ест, постоянно хлопая дверцей холодильника, и результат данного, простите за выражение, отдыха не слишком утешителен для поправки здоровья. Десятого января на улицах столицы появляется множество опухших личностей, в чьих глазах застыло изумление, а с губ готовы сорваться вопросы: «Где я? Какой сегодня день, месяц, год? Как меня зовут? Что делал последнюю неделю?»

Нет, зимние каникулы нам явно вредны, лучше уж отдыхать на майские праздники, с лопатой и граблями в руках,

на грядках собственных участков.

В последние годы появилась еще одна проблема: подарки. Тот, кто сейчас, после моих последних слов, удивленно воскликнет: «Экая задача! Да в магазинах чего только нет, нынче не советские времена!» – на самом деле не понимает суть данной проблемы.

Раньше-то как раз было намного проще. При тотальной пустоте на прилавках за подарок сходило все: баллончик болгарского дезодоранта, коробка с немецким мылом, китайское махровое полотенце, заварочный чайник, красные пластмассовые крючки для кухни, пачки любого импортного стирального порошка, комплект постельного белья, эмалированные кастрюли, чугунные сковородки, губки для мытья посуды... Последние, кстати, рачительные хозяйки тщательно берегли, в обычные дни они терли тарелки и чашки куском старого чулка или связанным из «сеточек», в которых продавалась картошка, лоскутком, а замечательно яркую губочку выкладывали лишь перед приходом гостей, так сказать, для дизайна. Все советские хозяйки знали: если пришла к подруге на день рождения и, вознамерившись помочь, надумала помыть посуду, то не смей трогать губку! Она испачкается, а где людям вторую взять? Правило соблюдалось свято. Впрочем, встречались отдельные особи, для которых не существовали никакие законы. Очень хорошо помню, как ко мне заявила одноклассница Вика Самохина. Попив чаю, она ничтоже сумняшеся схватила заветный кухонный при-

бамбас и мигом пустила его в дело. Мне потом крупно влетело от мамы за испорченную, потерявшую девственную желтизну губку. И вот интересно: с Викторией я общаюсь до сих пор, вернее, мы перезваниваемся, поздравляем друг друга со всякими праздниками. Самохина не сделала мне ничего плохого, наоборот, пару раз давала денег в долг и постоянно повторяет: «Я всегда к твоим услугам». Но стоит мне услышать в трубке ее торопливое: «Привет, надеюсь, все в порядке», – как мигом оживают воспоминания о той губке и тут же помимо воли портится настроение.

Глава 5

Разглядывая витрины, я медленно шла мимо магазинчиков. В голове крутился вопрос: что дарить на Новый год?

Нет, раньше в самом деле было лучше. Вручила бы Юлечке банку с индийским чаем или растворимым кофе и услышала бы бурные изъявления восторга. А попробуй я сейчас сунуть под елку продукты... Да меня просто высмеют! Коробка конфет из остродефицитного предмета роскоши трансформировалась в более чем обычную вещь, преподнести шоколад теперь считается не комильфо. Нет, ассорти возьмут и даже попытаются изобразить радость, но на самом деле подумают: «Лампа просто не захотела терять время. Вместо того чтобы поискать оригинальный сувенир, влетела в супермаркет и схватила дежурную коробку».

Даже два года тому назад я не испытывала подобных мучений. Мы тогда не сговариваясь одарили друг друга бытовой техникой. Вовка притащил огромный телевизор в гостиную, я купила по маленькому телику Кирюшке и Лизавете, Юлечке эпилятор, Сережке электробритву... И в прошлом году проблема подарков не стояла еще остро, во всяком случае, с Кирюшей и Лизой – они получили по ноутбуку.

Но что, что, что, ЧТО дарить сейчас? У нас в каждой комнате торчит по телевизору с видеопроектором, холодильник есть, причем не один, СВЧ-печь тоже в наличии,

как и электродуховка с грилем, мясорубка, тостер, блинница, вафельница, яйцеварка, ломтерезка... Все это мы либо в порыве временного безумия купили сами, либо получили в качестве презента от приятелей. Даже кофеварка на полке маячит!

Кстати, лично я составила список вещей, которые ни в коем случае нельзя никому дарить. Первым номером в нем, пусть это не покажется вам странным, идут духи и одеколоны, потому что очень трудно выбрать тот аромат, который придется по вкусу другому человеку. Затем табу на всякие мыло, шампуни и пены для ванны. Я же не хочу никому намекнуть: «Тебе пора помыться». Еще хуже преподнести женщине, так сказать, бальзаковского возраста супер-пупер крем от морщин. Хоть он и является дорогой штукой, но тоже выглядит обидно, дескать, пора, пора уже на пластическую операцию, старая калоша... Отвратительна, на мой взгляд, и мягкая игрушка. Еще ничего, если она маленькая – у нас на шкафу сидят в ряд пять свиней, восемь совершенно одинаковых зайцев и три тигра. Как вы, наверное, догадываетесь, «зоопарк» пополняли приятели в год соответствующего животного. Но это еще, повторяю, ничего, в конце концов, плюшевые зверушки есть не просят, только собирают пыль, и бог бы с ними. Но полная «засада» получить здорового велюрового монстра, занимающего полкомнаты. Согласитесь, пудовый фиолетовый слон не обрадует обитателя крохотной малометражки.

Так что преподнести домашним?

Уже почти заработав мигрень от напряженной мыслительной деятельности, я вступила в какой-то магазин и тупо уставилась на застекленную витрину.

– Могу я вам чем-нибудь помочь? – вежливо спросила молоденькая продавщица с бейджиком «Алиса» на фирменном костюмчике.

– Навряд ли, – помотала я головой.

– И все же... – не отстала Алиса, – скажите, чего вы хотите?

– Понятия не имею.

– Это как?

– Да вот... подарки на Новый год.

– Понимаю, – сочувственно закивала девушка, – сама в подобном положении. Ой, люди такие странные встречаются! Представляете, моей сестре ее парень преподнес на день рождения... ножеточку!

– Зачем она ей? – хихикнула я.

Алиса склонила голову набок.

– Папа тоже отличился. В прошлом году на Новый год, только куранты пробили, он маме сверток протянул... Вам в жизни не угадать, что там лежало!

– Утюг? – предположила я. – Просто отвратительная манера у некоторых мужчин дарить женщине вещи для ведения домашнего хозяйства.

Алиса засмеялась.

– Не уют – кастрюля! А в ней семь трусов, да к тому же таких жутких... ситцевых, в горошек!

– Прикольно, – кивнула я.

– Хуже всего бабушки, – пригорюнилась Алиса. – Их у меня две штуки. Одна всегда притаскивает пластмассовые тазики, хорошо хоть небольшие.

– Почему? – заинтересовалась я.

Алиса пожала плечами.

– Кто ж ответит? Принесет очередной экземпляр и улыбается: «Держи, внучка, собирай приданое, выйдешь замуж, мне спасибо скажешь!» Каждый раз беру идиотский подарок и представляю картину: перебираюсь к мужу в квартиру, а за мной грузовик, набитый этими тазиками! Вторая бабка еще круче: она ночнушки презентует, ко всем праздникам. Восьмое марта, Пасха, Новый год, Рождество, ей все равно! Только сорочку дарит. С рюшами, из ситца, на три размера больше, чем надо.

– Отличная идея, – засмеялась я.

– Супер, – кивнула Алиса. – Но вы еще про теток моих не знаете. Одна вручает маленькое махровое полотенце, обязательно почему-то голубое, или наборчик из трех вафельных салфеток, у меня ими все антресоли завалены. А вторая специализируется на постельном белье отечественного производства, небось на рынке с машины берет. Одно не могу понять: отчего она всегда лишь пододеяльники приносит? Хоть бы разок простыню или наволочку приволокла.

– Да уж, – вздохнула я.

– А хуже всего, когда твои же подарки назад возвращаются, – усмехнулась Алиса. – Преподнесла я двоюродной сестре косметичку, а она мне ее через год презентовала. Дядьке копилку купила, а на Восьмое марта гляжу, он ее назад волочет. Да еще с такой помпой вручил: «Держи, племянница, вещь непростая, очень дорогая, я ее специально для тебя из Италии привез, все деньги отложенные истратил!» Может, и поверила бы, что глиняная свинья дорого стоит, если бы самолично ее за сто рубликов в подземном переходе не купила!

– Не могу сказать, что в нашей семье ситуация складывается столь же трагичным образом, – протянула я, – но случается разное. Всю голову сейчас сломала – что дарить? Хочется нечто либо очень полезное, либо оригинальное.

– Ну, насчет полезного могу помочь, – оживилась Алиса. – Дети в семье есть?

– Двое.

– Маленькие?

– Школьники-подростки.

– Во, – ткнула продавщица пальцем в витрину, – шикарная вещь. Только-только выложила. Блокатор электроники.

– Что? – удивленно спросила я. – А зачем?

Алиса уперла руки в бока.

– Ну как же... Дети теперь жутко непослушные пошли. Не то что мы, родителями забытые! По своей младшей сестре сужу. Велит мать: «Садись уроки делать, выключи компью-

тер», – а она – ноль эмоций. Мамахен дочурку с воплем от монитора оторвет, за учебники посадит и на работу утопает, а наша двоечница снова к клавиатуре бросается, никто ей не указ, мать не боится. Я, например, если к телику подходить не разрешали, живенько свои столбики решала. У вас небось та же проблема?

– Лиза с Кирюшей хорошие ребята, – пояснила я, – но, конечно, не всегда слушаются. Спать их просто невозможно уложить, по сто раз в комнату заглядываю и ною: «Завтра рано вставать, пора на боковую». Но нет! Сидят у мониторов до двух, до трех, а утром их растолкать невозможно.

– Вот! – подпрыгнула Алиса. – Тогда блокатор как раз для вас! Сделайте себе, любимой, презент. Я маме один подарила, до сих пор не нарадуется. Смотрите, все очень просто.

Алиса вытащила из витрины серый прямоугольник, похожий на пульт от телевизора или видеоманитовфона.

– Работает на батарейках, – пустилась она в объяснения. – Если хотите, чтобы непослушные детки легли спать, подходите к их комнате и тихонечко нажимаете на красную кнопку – крехс-фехс-пехс, комп умер.

– Навсегда? – насторожилась я.

– Ой, нет, конечно! – засмеялась Алиса. – Заработает, лишь только включите зеленую кнопку. Так вот, активизируйте блокатор, ребятишки по клавишам постучат, позлятся и спать пойдут. Главное, им про пульт не рассказывайте. Станут они удивляться, почему каждый день в десять ноль-

ноль, скажем, компьютер умирает, наврите что-нибудь. Моя мама Ленке сказку наплела, дескать, около нашего дома торговый центр строят, там по ночам работа идет, большинство электричества забирается, на лампочки хватает, на компьютер – нет. Пока верит.

– Давайте, – кивнула я, – полезная штука, сегодня же опробую.

– Батарейки в комплекте, – захопотала Алиса. – Главное, не расколитесь, никому ни гу-гу про блокатор.

– Ясное дело.

– А насчет сувенира, – болтала девушка, выписывая чек, – вон там поглядите.

– Где?

– За колоннами отдел есть, приколами торгуют. Может, подберете по вкусу, – сообщила Алиса.

Поблагодарив заботливую продавщицу, я оплатила блокатор, засунула его поглубже в сумочку и пошла к полкам, уставленным сувенирами. Небольшой домик, перевязанный красной лентой, внизу сделанная белым цветом надпись: «Дарю пока такую дачу, куплю настоящую, если схвачу удачу»; собака из керамики с табличкой на шее «Welcome»; фарфоровая кукла, облаченная в кружевное платье... Ничего подходящего. Хотя... Взгляд снова переместился на «дачу».

– Девушка! – позвала я продавщицу.

Та немедленно подошла.

– А без надписи особняка нет?

– Нет. Правда, они разные.

– Какие? Покажите, – с нетерпением потребовала я.

Через десять минут, страшно довольная собой, я покинула торговый центр. В сумочке, кроме блокатора, покоился крошечный «особняк» темно-коричневого цвета с ярко-зеленой крышей. Его украшала надпись: «Хочешь жить со мной в этом доме, скорей пакуй чемоданы». Я подарю домашним общий презент, но какой! Положу под елку фотографию участка вкуче с правом на землю и поставлю сверху домик. Вот сюрприз-то будет! Всех переплуну своим «сувенирчиком». Осталась лишь самая малость – суметь понравиться госпоже Антоновой, ее детям Косте и Лане, ну и самому «дядюшке» Михаилу Петровичу. Думаю, легко справлюсь с задачей. Я достаточно образованна, и хоть иностранными языками не владею, но читала много литературы, могу поддержать разговор на любую тему.

Еще спасибо маме, которая научила дочь пользоваться многочисленными столовыми приборами. Я знаю, как выглядит нож для рыбы, и никогда не спутаю его с ножиком для мяса; мне хорошо известно, что вода с плавающим кусочком лимона, которую подают в конце званого обеда, предназначена для ополаскивания кончиков пальцев, а не для питья, мне не придет в голову лезть в сахарницу своей чайной ложкой. Я вполне способна рассказать пару приличных анекдотов. Ну, допустим, такой. Идут по дороге две блохи, он и она,

очень усталые, с неба хлещет дождь... Блошка внезапно говорит: «Милый, я так устала, просто до смерти». Блох обнимает жену и восклицает: «Не расстраивайся, любимая. Разбогатеем, собаку купим». По-моему, смешно и мило. А еще, если в особняке Антоновых найдется пианино, сумею сыграть немудреную пьеску. Конечно, меня учили на арфистку, но кое-как стучать по клавишам тоже могу. Главное, что я умею обращаться с инструментом, а это, согласитесь, плюс. Так что почему бы Антоновым не полюбить столь милую племянницу?

Осторожно открыв дверь квартиры, я шмыгнула в ванную, сняла очки, парик и смыла толстый слой тонального крема. Слава богу, обсыпавшие лицо и руки после дегустации мармеладных трусиков пятна исчезли.

– Эй, Лампудель, – принялся стучать в дверь Кирюшка, – открой!

– Сейчас, – откликнулась я, пряча парик в карман халата, – минуточку.

Удивительное дело, стоит мне заскочить в ванную, и пожалуйста, тут же всем надо умыться, принять душ, почистить зубы...

– Лампуша, – ныл Кирик, – поторопись.

Я распахнула дверь и со вздохом напомнила:

– Надеюсь, помнишь, что у нас не совмещенный санузел?

Туалет абсолютно свободен.

– Он мне не нужен, – бойко возразил Кирик, – тебя жду.

Лично.

– Случилась какая-нибудь беда? – напряглась я.

– Во, подпиши, а то забуду!

– Что это? – удивилась я, беря в руки клочок белой бумаги.

– В школе дали, – весело ответил школьник, – велели ознакомить родителей, получить их визу и сдать классной, иначе на занятия не пустят. Мама на дежурстве, тебе принес, читай.

Я стала изучать текст, напечатанный на обрывке.

«Довожу до вашего сведения решение педсовета. Если ваш ребенок станет продавать в школьном здании и на прилегающей к нему территории в радиусе ста метров оружие, наркотики, алкоголь или табачные изделия, он будет отстранен от 5 (пяти) тренировок по плаванию. Директор А.Г. Моллов».

Внизу чернела поставленная карандашом галочка и была приписана шариковой ручкой очень мелкими буквами фраза: «Родителям ставить подпись здесь, в противном случае директор ее не засчитает».

Сначала я попыталась справиться со здоровым недоумением. На мой взгляд, ребенок вообще не должен заниматься никакой противозаконной деятельностью, но А.Г. Моллов считает, что, отойдя на расстояние в сто один метр от школы, подросток уже может открывать торговлю героином, водкой и автоматами Калашникова. Отчего он не запретил детям

никогда не приближаться к бутылкам, сигаретам, шприцам и пистолетам? По какой причине ограничился лишь школьным зданием и стометровой санитарной зоной? И потом, хорошее наказание за наркоторговлю – отстранение на пять занятий от плавания!

На мой взгляд, настоящий педагог, даже выйдя с работы, остается учителем. Этот Моллов просто...

– Идиот, – пожал плечами Кирюша.

Он, что ли, мысли мои подслушал? Или я последнюю фразу вслух произнесла?

– Александр Григорьевич кретин, – продолжил свои комментарии мальчик.

– Кирюша! – попыталась я заняться воспитанием мальчика. – Так говорить некрасиво.

– Ладно, – охотно пошел на попятный школьник, – он дурак.

– Неприлично ругать взрослых!

Кирик хмыкнул и ткнул пальцем в Мулю:

– Это мопсиха?

– Ну да, – кивнула я, недоумевая, куда он клонит.

– Я обидел Мульяну?

– Нет, конечно. Почему спрашиваешь?

– Обозвал ее мопсом.

– Ты ее не обзывал, а назвал. Мопс – он и есть мопс.

– Ага, – закивал Кирюша, – а дурак есть дурак. Я не ругал Александра Григорьевича, просто констатировал давно всем

известные факты: Муля – мопсиха, а Молов – идиот. Причем такой, что на конкурсе кретинов непременно займет второе место!

– Почему второе? – растерянно спросила я, ставя подпись на листке.

Кирик издал странный, похожий на хрюканье звук.

– Потому что его придурковатость такова, что первое он не получит.

Выпалив последнюю фразу, Кирюшка, подпрыгивая, убежал, а я, пребывая в некоей растерянности, повесила полотенце на крючок.

Ясное дело, директор Молов – больной на всю голову. Он пришел в школу полгода тому назад и моментально начал выпускать нелепые приказы. Например, запрещающий девочкам носить черные колготки. По мнению Александра Григорьевича, это не политкорректно, темные ноги способны оскорбить чувства африканцев. Сколько их в нашей школе? Да ни одного! Но данный факт не смутил Молова. И что, мне следует теперь сказать Кирюше: твой педагог дурак? Это невозможно. Но Александр Григорьевич в самом деле идиот. Следует ли лицемерить и поднимать авторитет дебила? Вот в чем вопрос!

Так и не найдя на него достойного ответа, я отправилась в свою комнату и была остановлена возгласом Лизы:

– Лампуша, можешь зайти?

– С удовольствием, – сказала я, входя к девочке. – Как

дела?

– Меня назначили ответственной за рождественский вечер, – гордо похвасталась Лиза. – Директор так и сказал: «Романова – правильная кандидатура».

– Поздравляю. А что входит в твои обязанности?

– Написать объявление, составить меню... – начала загибать пальцы Лиза. – Вечер лишь для десятиклассников, малышню типа девятиклашек не пустят. Выпивку нельзя. Ну так: лимонад, сыр, колбаса, конфеты... Надо посчитать, сколько все стоит, потом понять, какую сумму каждый должен внести. Офигеть! А еще концерт, дискотека, Дед Мороз, Снегурочка...

– Да, работы невпроворот, – согласилась я.

– Ты мне поможешь? – заморгала Лиза.

– Чем же?

– Составь объявление.

– Легко. Давай продиктую, а ты сразу напечатаешь.

– Супер, – кивнула девочка, – говори.

– Значит, так. Сначала поставь дату, на которую назначен ваш праздник. Теперь поехали: «...состоится рождественский вечер! Все на елку! В программе концерт, дискотека, вкусный чай и хоровод с Дедом Морозом и Снегурочкой».

– Спасибо, – кивнула Лизавета.

– Не за что. Теперь выключай ноутбук и ложись.

– Еще полуночи нет, – возмутилась девочка.

– Завтра в школу!

– Я не засну так рано.

– Не спорь.

– Нет, – уперлась Лиза.

Я нащупала в кармане блокатор и сказала:

– Ладно, сиди, а мне пора в кроватку.

– Эй, ты чего придумала? – с подозрением спросила Лиза. – Уходишь, не настаиваешь на своем...

– Зачем? – с фальшивой грустью воскликнула я. – Взрослый человек, такой, как ты, должен сам следить за своим режимом.

Глава 6

Оказавшись у себя в комнате, я разобрала кровать, завела будильник на пять утра и вытащила из коробочки блоктор. Надо же, и правда выглядит словно пульт от телевизора, только с тремя кнопками – красной, желтой и зеленой. Я перевернула пустую упаковку и потрясла ее, но никакой инструкции внутри не оказалось, на мои колени лишь выпал маленький кусочек из непонятного материала, коричневый квадратик, размером с ноготь большого пальца, весь испещренный линиями. Мопсixa Ада моментально кинулась к нему с явным желанием слопать.

– Фу, – прошипела я на нее.

Затем я взяла ненужный, невесь за чем оказавшийся в коробочке обломок, бросила его назад в пустую тару, осторожно вышла из своей комнаты, очень тихо добралась до кухни, смяла картонный футляр, сунула его в помойное ведро, потом на цыпочках прокралась в коридор и встала в холле. Наша квартира соединена из двух, поэтому она имеет не совсем обычный вид. Там, где ранее имелась стена, разделявшая апартаменты, теперь образовалось пустое пространство, которое мы используем в качестве библиотеки. Если встать посередине не предусмотренной архитекторами жилой площади, то можно увидеть двери почти всех комнат и кухни.

Замерев в нужной точке, я прислушалась. Так и есть, из

комнат Кириуши и Лизаветы доносятся характерные звуки, похожие на «ку-ку». Это работает программа ай-си-кью, в просторечье «аська».

Вот какие противные, не хорошие, вредные дети! Ну что ж, сами виноваты. Не хотели слушаться старших и вести себя нормально? Получи, фашист, гранату!

Палец мой нажал на красную кнопку. «Ку-ку» мгновенно стихли. Стараясь не производить шума, я в два прыжка добралась до своей спальни и забилась под одеяло.

Из холла послышались громкие голоса.

– Лизк, у меня комп умер.

– Мой тоже гавкнулся.

– Чё случилось?

– Электричество есть.

– А чего ж они сломались?

– Не знаю.

– Замолчите! – крикнул Сережка. – Ночь на дворе, спать давно пора!

Школьники перешли на шепот, потом дверь в мою комнату приоткрылась.

– Лампа, – прошипела Лиза.

– М-м-м, – попыталась я изобразить сонную тетерю.

– Спишь?

– М-м-м.

– Не знаешь, отчего у нас компы ёкнулись?

– Рядом новую ветку подземки ведут, – бормотнула я, –

работают по ночам, потому что от аппаратуры метростроевцев в округе электронику глючит, во всех офисах компьютеры отключаются.

– Во, блин, – топнул Кирик. – И долго они тут ковыряться будут?

– Понятия не имею, – зевнула я. – Извините, совсем сплю.

Ровно в восемь утра я подошла к справочному бюро аэропорта и огляделась. Как ни странно, но вокруг было много народа. Ну, и кто из присутствующих встречает любимую племянницу Михаила Петровича? Женщина с двумя детьми явно ни при чем, дедушка, обвешанный сумками, и три школьницы, весело обсуждающие какую-то животрепещущую для них тему, тоже. Остались лишь два кандидата: парень в мятых джинсах, нервно крутящий головой в разные стороны, и мужчина при полном параде, в идеально вычищенной черной куртке, наглаженных брюках и блестящих ботинках. Он навалился на закрытый газетный киоск и мирно дремал. Дядька явно никого не ждал, это был, скорее всего, несчастный, улетающий ни свет ни заря в командировку.

Решив, что взволнованный юноша более подходит на роль посланца раскаявшегося папаши, я подошла к нему и вежливо сказала:

– Здравствуйте.

– Чего надо? – вскинулся парнишка.

– Вы не меня высматриваете? Я к Антонову.

Молодой человек кашлянул, потом ехидно заявил:

– Я жду бабу, будущую тещу. Ты Мотькина Любовь Семеновна шестидесяти двух лет от роду?

– Конечно, нет, – улыбнулась я.

– Тогда до свиданья, – повернулся ко мне спиной юноша.

Я в недоумении начала топтаться на месте. Стрелки часов сначала показали четверть девятого, потом половину... Недоумение переросло в полную растерянность. Может, я спутала аэропорты?

– Михаил Петрович, – послышался сбоку баритон, – никто пока не подходил, я уже целый час с места не двигаюсь.

Я быстро повернула голову: мужчина в черной куртке разговаривал по мобильному телефону.

– Понял, до десяти стою!

– Вы не меня ждете? – осведомилась я, когда дядька сунул трубку в карман. – Разрешите представиться: Лаура Михайловна Иванова.

– Во цирк! – выпучил глаза мужчина. – Чего до сих пор молчала? Могла раньше подойти.

– Мне не описали встречающего, – попыталась оправдаться я.

– Как это? – завозмушался мужчина. – При мне хозяин по телефону объяснял, мол, у справки Сережа будет, наш шофер, высокий, красивый...

Слегка рассердившись на Лауру, которая забыла донести до исполнительницы роли племянницы столь ценную ин-

формацию, я навесила на лицо самую сладкую улыбку и пропела:

– Ой, вот как глупо получилось... Извините, пожалуйста... ста...

С водителем тоже необходимо наладить хорошие отношения. Прислуга, в особенности та, что служит в доме много лет, очень часто имеет влияние на хозяина. А еще многие люди назидательно повторяют: «Любишь меня, люби и мою собачку». Конечно, Сережа не болонка, но он не должен на меня злиться.

– Где багаж? – хмуро поинтересовался водитель.

– Здесь, – быстро продемонстрировала я средних размеров спортивную сумку.

– Это все?

– Да.

– Ну-ну... – покачал головой шофер, в его голосе явно читалось неодобрение.

– Понимаете, люблю путешествовать налегке, – стала оправдываться я.

– Пошли к машине, – перебил меня Сергей, – а то за стоянку дорого платить. Ладно бы свои отдавал, а то хозяйские...

Высказавшись таким странным образом, он широким шагом двинулся вперед. Я поспешила за мужчиной, волоча сумку.

Очувтившись в автомобиле, я сделала попытку наладить

контакт с водителем и воскликнула:

– Какая шикарная иномарка!

– Обычная, – буркнул Сергей.

– Никогда в такой не ездила!

– Угу.

– Не скажете название?

– Чего?

– Машинки.

– «БМВ».

– Ой, суперская! А блестящая какая...

– Если на мойку регулярно ездить, то любая дрянь красивой станет, – мрачно констатировал Сергей и увеличил громкость радиоприемника.

Поняв всю бесплодность попыток втянуть угрюмого дядьку в разговор, я замолчала и стала разглядывать через тонированное стекло улицу.

Сыто урча, джип мчался по Москве, изредка откуда-то из его нутра раздавалось недовольное кряканье – Сергей на пару секунд включал сирену. От мерного покачивания меня потянуло в сон, я начала зевать, а потом внезапно задремала.

– Лаурочка... – кто-то потряс меня за плечо. – Ой, как крепко спит, устала бедняжка.

– С чего ей притомиться? – ответил ворчливый голос. – Сидела королевой.

– Замолчи, Сергей.

– А я что? Просто сказал, – вновь закрипел противный баритон. – Сил лишаются от работы, а не от безделья.

Мои глаза распахнулись, взгляд уперся в круглощечкого мужчину.

– Лаурочка, – протянул он руку, – я дядя Миша. Ступай, Сергей, в дом, вели завтрак подавать, девочка проголодалась.

Водитель повернулся и пошагал к крыльцу, его спина выражала явное неудовольствие. Антонов наклонился и зашептал:

– Ты вылитая мама! Волосы, глаза, цвет кожи, улыбка... Похожа до дрожи! Машенька тоже любила красную помаду. Спасибо, что согласилась прикинуться племянницей.

– Это дочь должна быть благодарна отцу за участие в своей судьбе, – потупилась я.

Антонов закашлялся, потом осторожно произнес:

– Анна и дети ничего не знают про Машу. Сейчас пока не время для откровений, но в моей жизни скоро произойдут перемены...

– Не волнуйтесь, – улыбнулась я, – племянница не будет назойлива.

– Извини, но иначе не сумею тебе помочь, мне пока не хочется шума.

– Понимаю.

– Аня в курсе всех денежных дел и...

Я положила руку на плечо Антонова.

– Дядя, вы мне ничего не должны. Я согласилась приехать не из-за денег, мне вполне хватает того, что я зарабатываю. Просто хотелось посмотреть на вас, обнять.

– Деточка! – воскликнул Михаил Петрович, помогая вылезти из машины. – Ты получишь все, чего была лишена. Мне просто претят скандалы. Пошли скорей завтракать.

Дом оказался огромным. Я попыталась сосредоточиться, чтобы запомнить путь в столовую, но затем бросила дурацкое занятие. Прихожая, коридор, холл, нечто типа библиотеки, коридор, оранжерея, холл, коридор, круглый зал, коридор... Да уж. Надеюсь, мне выдадут план местности, иначе придется утащить на кухне литровую банку, набитую фасолью, и вести себя, словно Мальчик с пальчик.

– Входи, входи, – громко возвестил хозяин, вталкивая меня в комнату, обставленную помпезной белой мебелью с позолотой, – садись, станем знакомиться.

Через пять минут церемония представления завершилась, присутствующие начали пить кофе. Я украдкой разглядывала членов семьи Антонова. Их оказалось больше, чем говорила Лаура.

Во главе стола сидела Анна, безукоризненно одетая и тщательно причесанная женщина неопределенных лет. По фигуре ей можно было дать тридцать, по лицу – пятьдесят. Слева от матери расположился Костя, рядом с ним скромно опустив глаза вниз, сидела его жена, чудовищно толстая особа

по имени Кира. По правую руку от Анны вертелась на стуле девочка, по виду первоклассница, все называли ее Китти. Следующие места занимала Лана, как две капли воды похожая на маму, и Галина, хрупкая блондинка (я так и не поняла, кем она является). Михаил Петрович устроился в полукресле напротив супруги. Анна подняла от тарелки круглые голубые глаза и начала допрос:

– Значит, вы живете во Владивостоке?

– Да, да, – старательно заулыбалась я. – Кстати, вот небольшой сувенир, коробочка наших конфет. Это фирменные, владивостокские, называются «Метеорит», сделаны из орехов с медом. Попробуйте, очень вкусно.

Анна хмыкнула, Костя кашлянул, Лана и Галина переглянулись, а маленькая Китти тоненьким голоском спросила:

– Ма, мне их можно?

– Нет, деточка, – спокойно ответила Кира, – аллергия начнется.

Мне стало не по себе.

– Девочке нельзя орехи? Ой, простите!

– Откуда бы вам знать, – фыркнула Лана. – Хотя следует отметить, что своим сувенирчиком вы попали точно в цель: у мамы полное неприятие именно орехов и меда, мне и Косте аллергия на эти полезные продукты перешла по наследству, Китти тоже.

– А я не употребляю мед, – подхватила Галина. – Кстати, и прислуга к коробке не притронется: у Аси от орехов кашель,

Мару обсыпает прыщами от шоколада, а шофер Сергей питается по какой-то своей схеме.

– Дети, дети! – укоризненно воскликнула Анна. – Лаура не в курсе, она хотела нас угостить.

– А вышел облом, – засмеялась Лана, – никому не полакомиться.

– Почему? – подал голос Михаил Петрович. – Лично я ничего не имею против «Метеорита». Дайте-ка шоколадку... О-о-о, вкусно!

Я с благодарностью глянула на Антонова, который с видимым удовольствием уплетал сладкое. Ладно, потом скажу Лауре все, что про нее думаю. Начать свой визит в дом с вручения лакомства, на основные ингредиенты которого почти у всех членов семьи аллергия, – это очень здорово, меня сразу тут начнут обожать и носить на руках.

– Красивый город Владивосток? – решила перевести беседу на иную тему Анна.

– Очень! – воскликнула я.

– Никогда там не бывала, – протянула жена Антонова.

«И слава богу», – чуть было не сказала я, но вовремя прикусила язык.

– Наверное, устали в дороге, – продолжала Анна.

– Нет, даже выспалась, – я старательно изображала из себя совершенно не избалованную женщину.

– А сколько часов лететь? – неожиданно бесцеремонно влезла в разговор взрослых Китти.

– Двадцать, – не подумавши брякнула я.

Галина отложила вилку.

– Это на каком виде транспорта? На воронах?

– Ха-ха-ха... – решив подольститься к девице, засмеялась я. – Нет, конечно, на самолете.

– «Боинг» до Владика всего за девять часов долетает, – безо всякой улыбки продолжила Галя.

Я опустила чашку с удивительно вкусным кофе.

– Конечно, вы абсолютно правы. Хотя по маршруту Владивосток – Москва и назад курсируют лайнеры не только американского производства, но и российские машины, а они летают медленнее. Просто я сейчас посчитала все время, потраченное на дорогу. На самом деле я обитаю в некотором удалении от Владивостока, в местечке Пионерское.

Спокойно произнеся фразу, я снова взялась за бодрящий напиток. Ну-ка, пусть Галина попробует уличить гостью во лжи. Да, я допустила промах со временем, сморозила глупость про двадцать часов, но ловко выкрутилась. Во-первых, Галя наверняка никогда не бывала на Дальнем Востоке, во-вторых, населенных пунктов с бодрым названием Пионерское на территории бывшего СССР просто тучи, в-третьих, пусть противная девица попытается поспорить с заявлением про неторопливость «тушек» и «Илов».

Ощущая себя победительницей, я продолжала наслаждаться «арабикой».

– Пионерское? – радостно воскликнула Галя. – Милый го-

родок! У вас там завод по переработке крабов. Я летаю туда от своей фирмы по три раза в месяц. А вы на какой улице живете?

Я поперхнулась сладким кофе. Но нельзя же кашлять безостановочно, пришлось в конце концов выдавить из себя:

– На проспекте Ленина.

– Где? – изумилась Галина. – Там подобной магистрали нет.

– Есть, – ответила я, приходя в себя, – вы просто не в курсе.

– Ошибаетесь, – противно улыбнулась Галочка, – Пионерское знаю как свои пять пальцев, там всего ничего улиц, и проспект Ленина среди них отсутствует.

– Как все командированные, вы наверняка гуляете лишь по центральной части населенного пункта, – не сдавалась я. – А если сесть у здания городской администрации на автобус и доехать до конечной, то там и обнаружится проспект Ленина. Он новый, только-только строится.

Галина вытаращила глаза.

– С ума сойти! Какой автобус? Пионерское – большая деревня. Там тридцать домов.

– Ошибаетесь, – улыбнулась я, – это в центре, а за горой еще другие здания есть, но туда лишь местных пускают, рядом граница, отсюда и пропуска всякие.

Повисла тишина. Чтобы мои слова показались еще более убедительными, я решила использовать только что получен-

ную от противной Галины информацию и добавила:

– Завод по переработке крабов стоит на одном краю, а я проживаю в противоположном конце.

– И вы, конечно, не раз видели предприятие? – прищурилась Галя.

– Конечно, – ласково улыбнулась я.

– Нравится оно вам?

– Как может нравиться или не нравиться фабрика? – отбила я мяч. – Просто чисто функциональное место.

– Ну... местные недовольны, цеха старые, разваливаются.

– Да, – быстро согласилась я, – ремонт нужен.

– В особенности в клубе! – кивнула Галя. – И в магазине.

Вы ж небось тоже туда за рыбой бегаете.

Я перевела дух. Слава богу, въедливая бабенка выпустила меня из своих когтей, сейчас просто поддержку беседу.

– Ясное дело, там весь город отоваривается.

Галина радостно улыбнулась.

– Очень здорово! Завод в Пионерском не имеет цехов, это корабль, который качается в порту, никакого клуба и магазина при нем нет. Так откуда вы? Из какого города?

У меня перехватило дыхание. Михаил Петрович решил прийти на помощь племяннице:

– Галя, в чем дело? Ты ведешь себя более чем странно.

– Она не из Пионерского! – взвизгнула девица. – Уж я-то поселок знаю!

И тут меня осенило.

– Пионерское? Вы неправильно расслышали, мой дом в Пионерске. Пионерское и Пионерск – два совершенно разных населенных пункта. Ясно?

Галя заморгала, а Антонов отрезал большой кусок паштета и, намазывая его на ломоть хлеба, пробормотал:

– Галина, ты на работу не собираешься?

– Да, – спохватилась злобная блондинка, – пора одеваться.

Потом она повернулась ко мне:

– Вы надолго приехали? Сколько гостить думаете?

– Галя! – воскликнул Михаил Петрович. – Это уже совсем неприлично! Лаура только вошла в дом...

– Что вы, – заулыбалась я, – вполне резонный вопрос! Я рассчитывала пробыть здесь дней десять, пятнадцать, но если надоем, уеду раньше. Не хочу вас обременять.

– Вечерком еще поболтаем, – прищурив глаза, сообщила Галя. – Я отлично окрестности Владика знаю.

С этими словами она выскочила из-за стола и была такова.

Михаил Петрович съел еще пару конфет из коробки, схватил со стола бокал, сделал пару больших глотков, поморщился и сказал:

– Лаура, не обращай внимания, Галя порой ведет себя отвратительно.

– Ася говорит, что все приживалки такие, – тоненьким голоском сообщила Китти. – Они очень других претендентов на роль любимчиков боятся, ведь если новенькие понравят-

ся, тогда старых объедал вон выставят.

– Китти! – возмутилась Анна. – Не стоит повторять чужие глупости. И потом, ты, наверное, неправильно поняла Асю.

– Она вчера укладывала меня спать, – пропищала девочка, – подоткнула одеяло и велела: «Спи, дорогая, не зови меня. Хочу как следует отдохнуть, потому что завтра тут покой закончится. Еще одна претендентка на пирог Михаила Петровича явится, а Галина не захочет делиться, она, как все приживалы, конкурентов опасается, вдруг эта Лаурка баринову по сердцу придется, и нашу красу гадкую вон вытурят». Дедушка, а когда ты пирог печь станешь? Мне кусочек дашь? И почему раньше ничего не готовил? У тебя вкусные кулебяки получаются!

Лана резко засмеялась. Красный от гнева Михаил Петрович накинулся на толстуху, преспокойно евшую творог со сметаной.

– Кира! Почему нянька ведет с ребенком непозволительные беседы?

– Я разберусь, – спокойно ответила невестка.

– Выгони ее немедленно! – кипел хозяин дома. – И объясни Китти, что в присутствии взрослых следует проглотить язык.

– Не могу, – пожала плечами Кира.

– Что? – взвился Антонов.

– Выгнать не могу, – меланхолично пояснила невестка. – Деньги прислуге Анна Валерьевна платит, ей и рассчитывать

Асю.

– Костя! – заорал Михаил Петрович.

– Да, папа? – откликнулся сын.

– Прими меры!

– Не стоит обременять мальчика, – каменным тоном произнесла Анна. – И Асю лучше оставить.

– Сказано: нахалку вон! – стукнул кулаком по столу Антонов.

– Дорогой, – ровным тоном возразила ему жена, – наем новой прислуги – очень тяжелая задача.

– Обратитесь в агентство! – заорал Антонов. Схватил бокал, на этот раз с лимонадом, и снова завопил: – Фу, ну и сладкая гадость! Кто у нас такую покупает, а?

– Папа, – абсолютно безо всяких эмоций сообщил Костя, – ты взял бокал Китти, это она пьет сидро. Твоя минералка слева.

– Вон, вон, вон! – начал наливать бордовым цветом Антонов.

– Если сейчас выгоним Асю, – спокойным голосом сообщила Анна, – то Китти останется без присмотра. Неизвестно, когда мы новую гувернантку отыщем.

– Вон, вон, вон! – продолжал орать Антонов.

– Папа, – столь же размеренно, как свекровь, заявила Кира, – мама права. Я уеду на работу, Костя тоже. Кто займется девочкой?

– Не хочу капусту, – капризно заявила Китти.

– Надо съесть, она очень полезная, – спокойно сказала Анна.

– Фи, на тряпку похожа, – ныла девочка, – гадость! Фу-у-у!

– Немедленно прекрати! – гаркнул Антонов.

Капризница на секунду примолкла, затем разревелась в полный голос.

– Не буду-у-у!

– Ребенок совершенно не умеет себя вести! – вышел из себя Антонов. – Закрой рот!

– А-а-а!

– Сейчас ремень возьму, – пригрозил дед.

– У-у-у!

– Китти, – ласково сказала Анна, – если ты сейчас замолчишь, я куплю тебе косметику.

Воцарилась тишина.

– «Принцессу»? – поинтересовалась спустя мгновение Китти.

– Да, – кивнула Анна. – Ты же давно о ней мечтала!

– А что именно?

– Все, что захочешь.

– Ага, – разом забыла о капризах Китти, – запоминай. Мне нужен блеск для губ, помада разная, тени, душистая вода, шампунь, гель для душа, крем...

– Если быстро и молча съешь капусту, – мягко улыбнулась Анна, – получишь еще и лак для ногтей от «Принцессы».

– Вау! – заорала Китти и схватила вилку.

– Отвратительно! – прохрипел Антонов. – Ничему не учат ребенка. Его не наказывают, а покупают хорошее поведение. Это омерзительно. И еще раз доказывает правильность моего решения! Гувернантку нужно выгнать вон! Прямо сейчас!

– Папа, – голосом учительницы подхватила Лана, – не следует принимать решение сгоряча. Мы, кстати, до сих пор не можем найти человека, чтобы гулять с Белочкой. Уже месяц объявление висит, никто не приходит.

Антонов вскочил, швырнул об пол бокал и взвизгнул:

– Молчать! Кто в доме хозяин?!

– Ты, дорогой, – спокойно ответила Анна.

– Не смей спорить!!!

– Конечно, папа, – прозвучал хор голосов, – не волнуйся!

– Мерзавцы! – затопал ногами по осколкам Михаил Петрович. – Сволочи!

Члены семьи с самым равнодушным видом уткнулись в тарелки и чашки.

Неожиданно мне стало жаль мужчину. Не знаю, как вы, а лично я начинаю лишь сильнее заводиться, когда в ответ на свои восклицания слышу спокойное: «Лампа, не дергайся». Намного лучше, если противоположная сторона с радостью поддерживает истерику. Можно поорать друг на друга, и тогда быстро успокаиваешься. Равнодушное выражение на лицах домашних в момент ссоры является для меня крайним раздражителем.

– Выгнать сию секунду! – кричал совершенно красный Антонов.

– Успокойся, папа, – мрачно протянул Костя, – у тебя давление подскочит.

Я быстро встала.

– Михаил Петрович, пойдёмте, я покажу семейный альбом, специально привезла его с собой.

Неожиданно краснота с лица хозяина дома исчезла.

– С удовольствием погляжу фото, – мирно ответил он. – Возьми с собой воды!

Я схватила со стола бутылку минералки и побежала за «дядей».

Глава 7

Кабинет Антонова выглядел шикарно: просторная комната, обставленная очень дорогой мебелью из цельного массива. Страшно представить, сколько может стоить даже одно из шести кресел, расставленных по пятидесятиметровому пространству. Похоже, они сделаны из красного дерева и обиты антикварной гобеленовой тканью.

Михаил Петрович рухнул на софу.

– Сейчас, подожди, сделаю один звонок, – с этими словами он достал из кармана мобильный телефон и набрал какой-то номер. Но так и не дождавшись ответа, убрал сотовый снова в каман.

– Они меня до смерти доведут.

– У вас просто несовпадение темпераментов, – попробовала я успокоить Антонова.

– Нет, хамят нарочно! – еще в запале воскликнул Михаил Петрович. – Вот всегда так: начинаю справедливые замечания делать, а они спорят. Безобразие! Не уважают! Ни в грош не ставят!

– И дети, и жена вас очень любят, поэтому и не желают связываться в конфликт, берегут ваши нервы, – попыталась я успокоить «папеньку».

Но тот вдруг снова побагровел и, сильно толкнув стоящий возле диванчика столик, заорал:

– Не смей со мной спорить! Я всегда прав.

Я вздохнула. Ну вот, опять. Кстати, хотите дружеский совет? Если встретились с неуправляемо гневливым человеком, не бойтесь. Как правило, такие люди подобны петардам: загорелись, взорвались и погасли. Намного хуже те, которые тихо тлеют яростью, прикрывшись улыбочкой. Вот от женщин типа Анны или Киры жди ножа в спину. А еще «фейерверк» легко утихомирить, если быстро перевести разговор на какую-нибудь малозначительную тему.

– Кто такая Белочка? – живо поинтересовалась я.

Михаил Петрович шумно выдохнул воздух.

– Собака. Ее завела Аня. На мой взгляд, совершенно ненужная забава, но жене захотелось, и я спорить не стал. Правда, считаю, что животные не должны жить в доме, их место на улице.

– Ой, – воскликнула я, – а где же песик?

Антонов сел к столу.

– Наверное, спит. Белочка в супругу характером – тихая, никогда не лает. Надо быть справедливым: от нее никакого шума. Но есть и неприятность.

– Какая? – решила я продолжить беседу, радуясь, что Антонов перестал нервничать из-за глупых слов няньки.

– Белочка гадит на участке, – пояснил Михаил Петрович. – Я отдал большие деньги за ландшафтный дизайн и теперь не желаю любоваться на кучи дерьма на газоне. Пса следует выводить в лес, тут недалеко калитка есть.

– Очень правильно, – закивала я. – Но ведь прогулка приятное дело: надел на животное ошейник, прицепил поводок, и вперед, заодно сам свежим воздухом подышишь.

– Легко сказать, да трудно сделать, – покачал головой Антонов. – Я целыми днями на работе, уезжаю ровно в семь, сегодня из-за тебя задержался. Костя, Кира, Лана и Галина тоже заняты. У Ани научные исследования, их прерывать нельзя. Сейчас с Белочкой Сережа гуляет, мой шофер, ты его видел. Очень неудобно получается: утром Сергею приходится из-за этого на час раньше приезжать. И вечером ситуация не лучше: я могу и в полночь вернуться. Белочка столько терпеть не способна, в результате ее просто выставляют за дверь. Вот, решили нанять человека для выгула собаки.

– Тут вроде деревня недалеко, – улыбнулась я, – местные жители небось нуждаются в деньгах.

Михаил Петрович встал, походил по комнате, потом снова сел к столу и начал перебирать лежащие на нем бумаги.

– Они хотят деньги получать, а не зарабатывать, – отрывисто сказал он. – Знаешь, какой месячный оклад я предлагаю за ежедневную двухразовую пробежку с Белочкой?

– Даже не предполагаю.

– Триста баксов.

– Так много? Но почему? Совершенно ерундовое дело – пробежаться утром и вечером с животным!

Антонов вынул из коробочки вычурную толстую ручку, снял колпачок и вдруг усмехнулся.

– Цену я постепенно набавлял. Сначала, как ты, рассуждал: в деревне работы нет, местные жители в Москву катаются, а тут такая лафа. И потянулись сюда претенденты. Много их было, но все прочь убежали. Как услышат, что каждый день приходиться надо, сразу охают: «Это чё получается, без выходных работа?»

– Вот странные люди! – засмеялась я. – Ясное дело, собака не сумеет с вечера пятницы до утра понедельника терпеть.

– Еще интересовались: «А можно утром с ней два часа побродить, зато чтоб вечер свободный?»

– Они идиоты?

– Лентяи, – вздохнул Михаил Петрович. – Стонут, жалуются: «Мы нищие, бедные, кушать нечего...» – а работать не желают. Эх, не зря в русских народных сказках про Емелю написано. Очень это по-нашему: ни черта не делать и лишь по шучьему велению достаток обрести. Спасибо тебе!

– За что? – удивилась я.

– Я же не дурак, – улыбнулся Михаил Петрович, – хорошо понимаю, отчего разговор про Белочку завела. Знаешь, ты правда на мать похожа. Вот с кем мы родственные души были.

За дверью послышался тихий скрип. Антонов умолк, потом вскочил, в два шага очутился у створки, распахнул ее, обозрел пустой коридор, вернулся к письменному столу и сказал:

– В этом доме людей волнуют лишь деньги.

– Я не нуждаюсь, спасибо. Правда, вполне хорошо зарабатываю.

– Кстати, – оживился Антонов, – ну-ка, расскажи о себе поподробней...

Снова раздался скрип. Но на сей раз Михаил Петрович не замолчал и не побежал к двери, а, наоборот, повысив голос, заявил:

– Так вот, Лаура, останешься у нас, а там посмотрим. Живи сколько хочешь! А сейчас поедем в магазин и приобретем тебе брильянтовое кольцо, как раз деньги есть.

– Не надо, – испугалась я, – совершенно не за этим пришла, мне столь дорогие подарки ни к чему.

– Иди сюда, девочка, – нежно произнес Михаил Петрович, – дай обниму тебя. Вот он наш, антоновский характер, хоть и взрывной, но гордый, с чувством собственного достоинства. Костя и Лана в Анну пошли, свои, да чужие, а ты в меня!

Я испуганно поднесла указательный палец к губам. Но Михаил Петрович вдруг встал из-за стола и все так же громко сказал:

– Глупая комедия! Зря я ее затеял. Все, хватит труса праздновать, настала пора объяснить, кто в доме хозяин. Всю жизнь я трясся, не пойми чего и кого боялся, из-за этого Машу потерял, с тобой не общался. Дурак! Дурак! Дурак! Превратился в подкаблучника. Все! Закончено! Пошли! Объявлю правду! Пусть убираются вон, если я им не по душе. И

вообще, не умру одиноким, есть около меня надежный человек, потом тебе все расскажу. Думаю, ты меня не оставишь.

– Нет, конечно! – воскликнула я. – Только сейчас лучше не затевать подобный разговор. Вы такой бледный...

– Сердце щемит, и тошнит меня что-то, – пожаловался Михаил Петрович. – Кстати, тебе, наверное, деньги на расходы нужны? Вот, держи.

Пальцы хозяина рванули один из ящичков стола, тот, не удержавшись в гнезде, рухнул на пол. Я бросилась поднимать содержимое: несколько записных книжек, пара блокнотов и... подарочный набор декоративной косметики «Принцесса». Сверху, на яркой упаковке напечатан слоган «Как у мамы, только лучше», а под ним шариковой ручкой было приписано четким округлым почерком: «Тебе от меня!»

– Давай сюда, – с легким раздражением приказал Антонов и поставил ящик на место.

Я вздохнула. Нет, все-таки дедушка любит Китти, приготовил внучке подарок и даже сделал на нем трогательную надпись. Просто профессор имеет свои взгляды на воспитание, он считает, что капризы нельзя гасить подношениями. Кстати говоря, абсолютно верная позиция. Антонов порадует Китти, но только не сейчас, а когда та станет себя хорошо вести.

Дверь кабинета скрипнула, в комнату вошел шофер.

– Звали, Михаил Петрович?

– Где ты ходишь? – снова начал злиться профессор. – Зво-

ню, звоню, не отвечаешь...

– Простите, на заправке был, – начал оправдываться водитель.

– Ладно, – отмахнулся хозяин и вытащил из ящика стола набор «Принцесса», – отвези живо. Что-то у меня голова заболела...

– Уже умчался, – воскликнул шофер и исчез.

Я слегка удивилась, значит, подарок предназначался не Китти.

Антонов выдвинул другой ящик стола, и я увидела, что он набит деньгами. Хозяин вытащил одну из пачек тысячерублевых купюр, перехваченную тонкой розовой резинкой.

– Тут сто тысяч, пробегись по магазинам, – улыбнулся «папа».

– Вы с ума сошли! То есть, извините, спасибо, не надо! – воскликнула я. – Сидите спокойно, сейчас принесу вам лекарство. Наверное, вы съели слишком много шоколадных конфет, выпили сладкой воды, вот вас и затошнило...

– Валокордин, – жалобно попросил Михаил Петрович, – сорок капель, меня эта доза успокаивает. Выпью и поеду в город.

Я внимательно посмотрела на «отца». Похоже, хозяину шикарного особняка на самом деле было дурно. Щеки и лоб Михаила Петровича покрывала зеленоватая бледность, глаза провалились, губы посинели.

– Сорок капель валокордина? Сейчас принесу! – восклик-

нула я, направляясь к двери.

– Спасибо, детка, – прошелестело за спиной.

В столовой обнаружилась одна Кира, спокойно наливавшая кофе.

– Где у вас валокордин? – нервно воскликнула я.

– Что? – проямлила жена Константина.

– Валокордин.

– Что?

– Сердечные капли. Лекарство, – ответила я, испытывая яростное желание схватить апатичную стокилограммовую тушу за жирные плечи и трясти до тех пор, пока Кира не прекратит мерно, словно корова траву, жевать ватрушку.

– Вам зачем?

Вот замечательный вопрос! Ясное дело, хочу при помощи валокордина помыть окна! Но, увы, я не имела права ответить Кире таким образом, я же должна ей понравиться.

– Михаилу Петровичу плохо, он просил накапать сорок капель, – пояснила я.

– А-а-а... – протянула равнодушно «заботливая» невестка и снова вонзила безупречно белые зубы в булочку.

На секунду я оторопела. Потом в голове вихрем взметнулась мысль: хорошо, однако, что подлинная Лаура не приехала к папе. Сейчас бы она тут наломала дров – вцепилась бы Кире в волосы и начала тюкать мадам башкой о стол.

– Так где валокордин? – нарочито спокойно поинтересо-

валась я.

– Не знаю.

Мое ангельское терпение затрещало по швам.

– Вы не поняли, что свекру плохо?

– Я не пью лекарства и понятия не имею, где они лежат, – меланхолично произнесла Кира.

– Мы едем? – в столовую вошел Костя.

Я кинулась к парню.

– Михаилу Петровичу плохо.

– Ерунда! – бодро воскликнул сын Антонова. – Не берите в голову, он истерик. Всякий раз, как нахамит нам, за сердце хватается.

– Сейчас вашему папе и впрямь нехорошо! – настаивала я. – Где валокордин?

– Не знаю, – пожал плечами Костя, – спросите у Мары.

– Это кто?

– Домработница Марина, она в курсе всех дел, – тихо сообщил Костя. – Впрочем, могу позвать маму.

– Сделайте одолжение, поторопитесь, – зачастила я. – Михаил Петрович был очень бледный, с синими губами. Очень похоже на сердечный приступ.

– Сейчас, – протянул Костя.

– Посиди, сама схожу, – засопела Кира, медленно поднялась и так же медленно пошла, нет – поплыла к двери.

– Ладно, – согласился муж и устроился за столом. – А я пока еще кофейку хлебну. О, он даже не остыл...

Я с огромным изумлением смотрела на парочку. Если бы, не дай бог, конечно, кому-нибудь у нас дома стало плохо, то через пару секунд в квартире уже творилось бы столпотворение, домашние бросились бы вызывать «Скорую помощь», МЧС, знакомых врачей... А тут – полнейшее спокойствие, больше смахивающее на абсолютное равнодушие. Мой рот раскрылся, я сделала глубокий вздох и приготовилась сказать «родственникам» все, что я о них думаю, но в столовой появились Кира и Анна.

– Вашему мужу дурно, – бросилась я к супруге Антонова.

– Да? Что случилось? – поинтересовалась дама.

– Он срочно просит валокордин.

– Сорок капель, – хихикнул Костя.

– Ну, это не страшно, – бесстрастно ответила Анна, – вот когда он шестьдесят требует...

– Где лекарство? – перебила я ее.

Анна тяжело вздохнула:

– Не следует впадать в истерику, уважаемая Лаура, сейчас я загляну к мужу.

Сохраняя непроницаемое выражение лица, с абсолютно прямой спиной, словно проглотив палку, Анна вышла в коридор.

Кира улыбнулась.

– Вы считаете нас чудовищами?

– Да, – ляпнула я и тут же спохватилась: – В смысле? Нет.

Невестка Антонова засмеялась, а Костя, осушив чашечку

с кофе, пояснил:

– Папа, похоже, нереализованный актер. В последнее время он устраивает натуральные спектакли – может начать истерически рыдать, а два-три раза изображал умирающего, требовал лучших врачей.

– Мы уже поняли, – подхватила Кира, – если он просит сорок капель валокордина, то, так сказать, это представление из одного действия...

– А если шестьдесят, – перебил ее Костя, – то, значит, театральная ерунда до вечера затянется. «Скорая» придет, с кардиографом. Мрак.

Я села на стул и от растерянности глупо спросила:

– Вы сейчас говорите правду?

Костя снова занялся кофе, а Кира, взяв очередную булочку, кивнула. Потом она внимательно глянула на меня и заинтересовалась:

– А вы?

– Не понимаю, – пробормотала я. – То есть, конечно, правду: Михаил Петрович побледнел, ему явно нехорошо.

– Не о нем речь, – нежно проворковала Кира. – Вы и впрямь его племянница?

Вся кровь бросилась мне в голову.

– Простите? – пролепетал язык. – Меня зовут Лаура, я дочь сестры Михаила Петровича...

– Которую тоже звали Лаурой? – вдруг спросил Костя.

– Именно так.

– Ваша мама жива? – продолжил парень.

– Нет, она скончалась.

– Давно?

– Достаточно.

– Дату назовите, – потребовала Кира.

– Ну... э... о...

– Вы забыли год смерти матери? – нежно осведомился парень.

– Понимаете, я была ребенком... – начала выкручиваться я.

– Совсем крошкой?

– Верно!

– А число? – пропела Кира. – Месяц?

– А... а... а... – протянула я.

– Вы не ходите на кладбище? – с фальшивым удивлением воскликнул Костя.

– Не посещаете дорогую могилу? – откровенно издевательски добавила Кира.

– Почему? – улыбнулась я. – Приношу цветы к надгробью.

– Дату кончины любимой мамы назовите, – резко велел Костя, – и...

Договорить он не успел – дверь столовой распахнулась, появилась белая, как полотно, Анна и молча села за стол.

– Мама, пей кофе, – ласково сказала Кира, – он еще теплый.

– Как там наш Марлон Брандо? – издевательски спросил

Костя. – Жив?

– Он умер, – обморочным голосом сообщила мать.

– Знаю, – отмахнулся сын. – Я об отце говорю!

– И я об отце, – кивнула Анна. – Он скончался. Лежит головой на листе бумаги. Похоже, хотел новое завещание составить.

Глава 8

Кира попыталась вскочить, но ее большой живот, упирившийся в стол, не позволил быстро совершить действие, Костя ловко опередил жену – змеей скользнул к двери и исчез в коридоре. Я, плохо понимая происходящее, уставилась на Анну.

– Ты уверена? – нервно прошептала Кира.

Свекровь кивнула.

– Где Мара? Надо «Скорую» вызвать! – вскрикнула Кира.

– Он мертв! – воскликнул, вбегая в столовую, Костя. – И правда скончался. Где Мара? Пусть в милицию звонит.

Я сидела словно в толстой зимней шапке – разговор достигал моих ушей, но звуки были приглушенными. А еще в комнате что-то гудело, не сильно, но мерно.

– Ася! – вдруг звонко крикнула Кира.

В проеме двери появилась невысокая, тумбообразная фигура.

– Звали? – поинтересовалась она.

– Где Китти?

– К занятиям готовится, учительница приехала, – словоохотливо стала пояснять нянька. – А еще, Кира Андреевна...

– Девочка не должна выходить из детской, – перебила няньку Анна.

– А чего случилось? – проявила любопытство Ася.

– Михаилу Петровичу плохо.

– Понятненько, – гадко ухмыльнулась няня.

– Он умер, – добавила Кира.

– Повесился? – деловито спросила Ася. – Во! Теперь и у вас, того-самого, брык в голове...

Я вцепилась пальцами в стол. Не перепутала ли я адреса и не попала ли в клинику для душевнобольных?

– Теперь и у вас глючит, – бубнила Ася.

– Он мертв, – вступила в беседу Анна.

– Ну, не знаю... – протянула Ася. – Думаете... да?

– Я не верю! – воскликнула Кира. – Он не мог вот так сразу...

– Угу, – кивнул до сих пор молчавший Костя.

– Надо Галю позвать, она одевается, – предложила вбежавшая в комнату Лана.

– Вы сумасшедшие! – вырвалось из меня. – Если Михаил Петрович скончался, то необходимо срочно вызвать врачей.

Костя и Кира уставились на гостью. Нянька протяжно вздохнула:

– Эх, милая...

– Пойдемте... э... Лаура, – холодно сказала хозяйка дома, – нам следует побеседовать спокойно.

Словно кролик, загипнотизированный коброй, я поплелась за Анной и в конце концов оказалась в просторной, очень уютной комнате, заставленной диванами и креслами.

– Садитесь, – неожиданно ласково предложила Анна, – и

скажите: вы кто?

– Лаура, – нежно улыбнулась я, – племянница Михаила Петровича, из города Владивостока, вернее, из Пионерска.

– Не надо лжи, – резко перебила Анна. – Понимаю, вам заплатили, но господин Антонов мертв. Естественно, никто не попросит деньги назад, они ваши, но лучше сейчас рассказать мне правду.

Я, продолжая удерживать на лице гримасу приветливости, спокойно повторила:

– Являюсь Лаурой Антоновой, племянницей Михаила Петровича.

– Дочь его рано умершей сестры? – уточнила собеседница.

– Да.

– Вы появились на свет в законном браке?

– Какая разница!

– Ответьте, пожалуйста, – ласково попросила Анна.

– Мой папа тоже умер.

– И как его звали?

– Иванов Иван Иванович, – живо отреагировала я.

– Тогда почему вы Антонова? – мягко поинтересовалась Анна.

Я замерла, потом, обозлившись на себя, начала врать:

– Понимаете, случаются такие семейные ситуации, о которых не очень хочется сообщать окружающим. Мы с отцом не ладили, он ревновал маму, бил ее, меня тоже. Поэтому

после кончины этого родного по крови, но чужого по сути человека я решила вычеркнуть из своей жизни даже память о нем и взяла мамину фамилию.

Анна кивнула:

– Хорошо, пойдемте.

– Куда? – насторожилась я.

– Хочу показать вашу комнату.

Ага, значит, я прошла испытание, жена Антонова наконец-то поверила мне. Интересно, настоящая Лаура знала о том, какие порядки заведены в доме у ее папочки, или у нее, как у всех цыганок, обостренная интуиция? Во всяком случае, встречу близкой родственнице тут устроили грандиозную. Сначала затеяли скандал, а потом попытались убедить гостью, что хозяин умер. Может, наивная девушка из Владивостока и поверила бы радушным родственничкам, только я – профессиональный детектив и знаю, как реагируют обыватели на смерть одного из членов семьи. Окажись сейчас в доме на самом деле труп, тут бы уже стоял плач и метались врачи вкупе с милицией. Анна же совершенно спокойна. Нет, идет некая игра, смысл которой мне пока неясен. Понятно лишь одно: меня наняли для исполнения роли племянницы, и попросить перестать ломать комедию может лишь сама Лаура. Наверное, надо позвонить ей по телефону, но при Анне я не могу этого сделать.

– Сюда, пожалуйста, – закивала хозяйка, вводя «племянницу» в небольшую полукруглую спальню. – Не смущает

первый этаж? Нравится?

– Очень, – совершенно искренно ответила я.

– Прислуга доставила ваши вещи.

– Огромное спасибо.

– У вас одна сумка?

– Да, да, – закивала я.

– Это она? – методично вела допрос Анна.

– Абсолютно точно.

– Марина, домработница, ничего не перепутала?

Меня стала настораживать настойчивая вежливость хозяйки. Ох, похоже, она неспроста превратилась в сахар медович.

– Все просто замечательно, – еще шире заулыбалась я.

– Тогда позвольте ваш паспорт... – склонила набок голову

Анна.

Я вздрогнула.

– Кого?

– Что, – поправила Анна. – Можно ли мне посмотреть ваш паспорт? Такую бордовую книжечку, с фотографией. Только не говорите, будто забыли его дома, не верю! В самолет без сего документа не сесть.

– Паспорт? – пробормотала я.

– Да, паспорт, именно.

– С пропиской?

– Верно.

– С фотографией и годом рождения?

– Точно.

– Паспорт?!

– Давайте же его! – жестко приказала Анна. – Не тяните кота за хвост!

– Зачем вам мой документ? – решила изобразить я обиду.

– Разве вы не в курсе? – одной стороной рта улыбнулась хозяйка. – Москва особый город, все приезжие обязаны зарегистрироваться в милиции.

– Но я прибыла к родственникам.

– Все равно, правила едины. Ну, так где ваш паспорт?

– Э... э...

– Сумка здесь, – напомнила Анна, – и вы только что заверили меня, что другого багажа нет. Надеюсь, теперь не хлопнете себя по лбу и не заявите: «О черт! Оставила в зале прилета рюкзак, в нем все бумаги»?

Ощущая себя мышью, которую злая, жирная кошка загнала под комод, я решила все же не сдаваться. И, навесив на лицо очередную идиотскую улыбку, нарочито спокойным голосом ответила:

– Нет, конечно, в голову не придет врать. Если позволите, разберу сумку, умоюсь, переоденусь и принесу паспорт. Или вы принимаете меня за террористку и желаете, чтобы я грязными руками начала копаться в вещах? Разве документ нужен прямо сейчас? Вы сию секунду намерены бежать в отделение? Или можно погодить полчаса?

– Хорошо, я подожду, – кивнула Анна.

Потом она подошла к двери, открыла ее, но обернулась и тихо сказала:

– Я никогда не ошибаюсь. И я абсолютно уверена: вы никакого отношения не имеете к Лауре, сестре моего мужа. Кстати говоря, сомневаюсь, что ее дочь приехала бы сюда. Хотела избавить вас от тягостных объяснений с представителями закона, но ничего не вышло. Теперь сидите тут, пока не явится милиция. Вот парням в форме и покажете паспорт, расскажете свою сказку. Прощайте.

Прежде чем я успела моргнуть, хозяйка выскользнула в коридор, потом до моего слуха долетел звук поворачивающегося в замке ключа.

Я побежала к выходу из комнаты и забарабанила по дубовой створке.

– Эй, откройте!

Но никаких звуков из коридора не донеслось. Я подергала ручку, потом села в кресло и призадумалась.

Следовало признать – проиграла я с разгромным счетом. Сто – ноль в пользу Анны. Ну почему я решила, что в семье Антоновых царят те же порядки, что у нас? Если бы к Романовым заявился некто, назвавшийся никогда не виденным родственником, то ни Катя, ни я, ни Юля, ни Сережка точно не потребовали бы у человека паспорт. Нет, мы верим гостям на слово.

Ладно, не стоит сейчас корить себя. «Операцию» готовила Лаура, это она должна была детально разработать план.

Впрочем, и я хороша – согласилась на явную авантюру! Но у меня есть слабое оправдание: очень хотелось получить участок под застройку – как увидела фото, так сразу и лишилась разума.

И как теперь мне поступить? Ясное дело: следует немедленно позвонить заказчице. Хорошо хоть, я, пусть и очарованная снимком Птичьего, догадалась все же внести в память своего мобильного ее номер.

Чувствуя себя совершенно разбитой, я встала, подошла к сумке, открыла ее и страшно обозлилась. Так... Кто-то явно рылся в моих вещах! Точно помню: голубая, совершенно новая пижамка лежала на дне, а теперь она сверху.

Рука принялась шарить в тесном пространстве. Ну и куда завалился сотовый? Давно заметила: время, затраченное на поиск аппарата в сумке, пропорционально размеру телефона – чем он миниатюрнее, тем дольше длится процесс. Когда у меня имелась трубка размером с половник, было намного удобнее. Ага, вот, кажется, и... Ой, что это?

Глаза мои уставились на странный серо-голубой пульт от телевизора. Несколько мгновений я пребывала в растерянности, потом вдруг сообразила: держу в руках блокатор электроники, замечательную вещь, купленную вчера в торговом центре, с помощью которой я так ловко вырубилась вечером ноутбуки Кирюшки и Лизы. Но зачем я прихватила устройство с собой? Нет ответа на сей немаловажный вопрос, скорее всего, машинально сунула в сумку. А где же все-таки те-

лефон?

Имелся лишь один, испытанный способ поиска мобильно-го. Я схватила баул, перевернула его вверх ногами, высыпала на пол немудреное содержимое и ахнула.

Вообще говоря, я не планировала задерживаться у Антоновых надолго. Более того, хотела в процессе беседы с родственниками сказать, что имею в Москве близкую подругу, которая пригласила к себе ночевать. Я намеревалась преспокойно уехать домой и вернуться сюда, в антоновский особняк, завтра к полудню. В конце концов, передо мной стояла задача понравиться Анне и ее детям, а, согласитесь, родственница из провинции, которая имеет где остановиться в столице и намерена не жить у вас, а приходить лишь в гости, вызывает больше приятных эмоций, чем племянница, которая обустроится в вашем доме и начнет шмыгать по нему днями и ночами. И еще. У меня с Юлечкой один размер, и при желании я могла вытащить из шкафа Сережкиной жены пару дорогих платьев, помпезных свитеров, брюки со стразами, одним словом, одежду – последний визг моды. Но ничто так не злит женщину, как слишком хорошо одетая другая представительница слабого пола. Я не хотела, чтобы Анна и Лана подсчитывали в уме стоимость норкового полушубка или кусали губы, разглядывая пуловер известной фирмы, на который Юля грохнула половину своей немаленькой зарплаты. Поэтому я прихватила вещи из своего гардероба – красивые, хорошего качества, но не супер-пупер дорогие и мод-

ные. Это были джинсы, блузка, тоненькая водолазка, шерстяная кофточка на больших деревянных пуговицах и еще кое-какие мелочи. Короче, теперь вы знаете, что пряталось в сумке и что я должна была увидеть, вытряхнув из него содержимое. Ну и ответьте мне: откуда среди скромных шмоток взялись деньги? Не просто деньги, а... раз, два, три, четыре... десять пачек, перехваченных резинками?

Я в растерянности смотрела на банкноты, уже понимая, что, по самым скромным подсчетам, вижу... миллион. Ну и ну! Внезапно перед глазами предстала картина: вот Михаил Петрович достает из ящика письменного стола деньги, протягивает их мне и говорит:

– Тут сто тысяч, пробегись по магазинам...

Тряхнув головой, чтобы отогнать воспоминание, я сделала шаг назад от вещичек и мне не принадлежащей кучи денег и увидела еще один не мой предмет – лежащий чуть в стороне небольшой пузырек из темно-коричневого стекла. Пальцы машинально схватили флакончик. Белая пробочка легко открутилась, но внутри не оказалось ни капли. Впрочем, запах тоже отсутствовал.

Все еще плохо понимая происходящее, я заметила свой мобильный, нагнулась, подобрала его, сунула в карман и снова застыла над кучей рублей. И как поступить? Позвать Анну и сообщить, что в моей сумке невесть каким образом очутилось богатство?

В спальне исчез кислород, воздух сгустился и стал похо-

дить на кисель. Чтобы слегка прийти в себя, я на ватных ногах подошла к окну, распахнула раму и с наслаждением сделала глубокий вздох. Я начала медленно приходиться в себя. Значит, так... Сейчас...

Но мои мысли перебил посторонний неожиданный звук – в замочной скважине заворочался ключ. Ощущая ледяной ужас, я кинулась к большому шкафу, распахнула дверцы и нырнула в пахнущее средством от моли нутро. Гардероб не был пуст – в отделении для платьев на дне лежала высокая стопка одеял. У меня хватило ума мгновенно забиться за спасительный ворох верблюжьей шерсти и притаиться там.

Сначала до моего слуха долетало лишь неразборчивое бормотание. Потом послышался бодрый голос Анны:

– Смотрите-ка, ее нигде нет.

– Верно, – раздался приятный баритон.

– Она, наверное, выскочила в окно, – продолжала Анна. – Знаете, что случилось?

– Пока нет, – ответил невидимый мужчина, – с удовольствием выслушаю вашу версию событий.

– Эта бабенка – воровка. Деньги, которые сейчас тут валяются вперемешку с ее шмотками, украдены из стола Михаила Петровича. Сначала она воспользовалась... вернее, нанялась для... ну, да вы понимаете. А затем, когда увидела купюры, дрогнула и решила утащить их.

– Возникает масса вопросов, – протянул баритон.

– Брр, как холодно, – воскликнула Анна.

– Не закрывайте окно! – воскликнул мужчина.

– Почему?

– Лучше ничего не менять на месте происшествия, сейчас позову сюда одного хорошего парня, пусть сначала он тут все осмотрит. Знаю его давно, он человек надежный.

– Андрей Львович, вы наш спаситель! – неожиданно истерично воскликнула Анна. – Господи, но я просто заледенела уже! Какой ужас! За что мне это горе?

– Давайте запрем комнату, – предложил неизвестный мне Андрей Львович, – и до приезда специалистов посидим в гостиной. Кстати, абсолютно уверен: Михаила Петровича отравили. У него очень характерное выражение лица.

– Боже! Кто? Кто? – всхлипывала Анна.

– Ясное дело, эта Лаура!

– О-о-о... – простонала Анна.

– Все сходится. – Голос Андрея Львовича начал удаляться. – Зацапала дамочка миллиончик и подлила Антонову отраву в стакан. Вы же говорили, она бутылку со стола прихватила, вот в нее-то наверняка и добавила яд...

Хлопнула дверь, воцарилась тишина. Я выползла из-за одеял, вылезла из шкафа и кинулась к окну. Надо бежать как можно быстрее! Одна беда – на улице холодно, а мои куртка и сапоги остались в прихожей. Ладно, натяну на себя шерстяную кофту и вылезу в окно...

Быстрее мухи я бросилась к расшвырванным вещам и принялась утепляться: водолазка, сверху майка и кардиган. Вот

с ногами беда. Хорошо, на мне уютные тапочки-башмачки из натуральной овчины, а не пластиковые шлепанцы! Хоть в чем-то сегодня повезло!

Сумку брать нельзя, деньги, естественно, тоже следует оставить. Торопясь к окну, я, поскользнувшись, чуть не упала – под ноги попал пустой пузырек. От раздражения я его пнула, и он абсолютно беззвучно закатился в купюры. Я перевалилась через подоконник, угодила ногами в сугроб и, не замечая пронизывающего холода, понеслась к забору. У меня великолепная память, и я очень хорошо запомнила слова Михаила Петровича:

– Пса следует выводить в лес, тут недалеко калитка есть...

Глава 9

В Москву меня подвез румяный, похожий на свежеиспеченный пирожок водитель «Газели».

– Ты чего так легко оделась? – полез он с разговором.

– Жарко, – коротко ответила я.

– Скажешь тоже! У тебя же зуб на зуб не попадает, – вздохнул шофер.

– А я вспотела.

– Может, заболела?

– Нет! – рявкнула я. – Не бойся, незаразная, абсолютно здоровая!

– А почему в тапках?

– Потому! – гаркнула я снова. – Отстань. Ты заработать хочешь?

– Ага, – радостно признался шофер.

– Ну и отлично! Вот и зарабатывай – вези меня, – кивнула я, страшно довольная тем, что догадалась выхватить из кучи вещей свой мобильный и кошелек. – Плачу за работу и еду спокойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.